

Станислав Далецкий

ИЛЬИН ДЕНЬ

повести и рассказы

Станислав Далецкий
Ильин день. Сборник

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Далецкий С. В.

Ильин день. Сборник / С. В. Далецкий — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

В книге размещены две повести: одна о дне именин пенсионера с воспоминаниями о прожитых годах, другая - о дне именин молодой женщины с воспоминаниями о бывших и настоящих мужчинах из её жизни. Также помещены несколько рассказов из современной жизни и недалекого прошлого. Содержит нецензурную брань.

Станислав Далецкий

ИЛЬИН ДЕНЬ

ПОВЕСТИ и рассказы

Москва 2017

ISBN 978-5-9238-0228-3

«Длинный, длинный день именин закончился. В окно светила ущербная луна, идущая в рост к полнолунию. В свете луны предметы в комнате потеряли свои очертания и казались прозрачными и невесомыми, как Илье Николаевичу казалась прозрачной и нереальной вся его жизнь, которая вспомнилась ему за этот долгий день – очередной день

бессмысленной и бесполезной жизни, клонящейся к уходу, как и луна за окном, катившаяся с небосвода вниз.»

© Далецкий С.В., 2017

© ВНИИ агрохимии, 2017

ПОВЕСТИ

ИЛЬИН ДЕНЬ

I

Ранним августовским утром, солнечный луч проник сквозь неплотно зашторенное окно в комнату, скользнул по стене сверху вниз и справа налево, достиг спинки кровати, опустился ещё ниже и, наконец, на подушке, осветил своим пронзительно ярким светом лицо спящего человека.

Человек этот недовольно сдвинулся вместе с подушкой к краю широкого двуспального дивана, но солнечный луч спустя время, достиг человека снова и вновь впился жарким светом в закрытые веки спящего. Тот мотнул головой, отдернул лицо в сторону, но, не сумев избавиться от солнечного света, вздохнул, открыл глаза и, шурясь от внезапного ослепления, перевернулся вместе с подушкой поперек дивана, уклоняясь от нестерпимо яркого солнечного луча.

Вторая попытка удалась – солнечный луч оказался далеко в стороне, но вместе с лучом ушел и сон, и Ильи Николаевич Махов открыл глаза, проснувшись мгновенно и окончательно.

Кажется, что лишь минуты назад, он ворочался в бессоннице летней ночи, тщетно ожидая, когда стариковский сон завладеет его телом, отпустит голову от ненужных и пустых мыслей и, добившись умиротворения души, вызовет из небытия какое-либо приятное воспоминание из прожитого прошлого, но сейчас, открыв глаза, он увидел, что ночь давно миновала, сновидения его не настигли, а за окном разгорается солнечное августовское утро. Очередной день жизни обещался быть ясным и спокойным: по церковному календарю это был Ильин день, в честь пророка Ильи – громовержца.

Впереди был длинный летний день, хотя народная мудрость и гласит: «Петр и Павел день на час убавил, а Илья пророк второй уволок», что означало сокращение продолжительности Ильина дня от летнего июньского солнцестояния на два часа.

Солнечный луч, разбудивший Илью Николаевича, тем временем опустился на пол и медленно скользил по паркету в направлении окна, по мере того как солнце поднималось все выше и выше.

Илья Николаевич взглянул на часы, что стояли над телевизором, в мебельной стенке напротив дивана: часы показывали начало восьмого утра. День был выходной, и можно было бы поспать ещё, но Илья Николаевич понимал, что утреннего сна уже не вернуть, а бесконечная дрема лишь обессилит тело и приведет к угрюмости дневного настроения, и потому, следует вставать и заняться воскресными делами.

Впрочем, для Ильи Николаевича уже два года с лишним все дни и дела были воскресными, поскольку именно два года назад он вышел на пенсию, достигнув положенного возраста.

Почти всю свою рабочую жизнь он проработал технологом на машиностроительном заводе, выпускающем военную продукцию. В советское время работа на таком заводе считалась престижной и хорошо оплачивалась – по тогдашним меркам.

С приходом демократов к власти, оборона страны стала считаться пустым делом, завод лишился военных заказов, пытался освоить выпуск потребительской продукции, которая тоже оказалась ненужной, объемы производства постоянно сокращались, а вместе с ними сокращалась численность работников и, к достижению Ильей Николаевичем пенсионного возраста, от десяти тысячного коллектива осталась едва ли десятая часть и потому при очередной реорганизации завода – так называли позже правители страны процессы уничтожения промышленности, всех остающихся в живых работников-пенсионеров тихо и без почета выкинули за заводские ворота: так в деревнях хозяева выбрасывают за ограду мусор и ненужный хлам.

Илья Николаевич, оставшись не у дел, год прожил в полном безделии, неприкаянно слоняясь по квартире или неподвижно, как кролик перед удавом, уставясь в телевизор, поглощая, словно жвачку, бесконечные телесериалы, пока не обнаружил, что жить на назначенную ему пенсию становится невозможно и следует искать подработку.

Инженеры-технологи оказались лишними людьми при преобразовании страны из индустриальной державы в поставщика нефти, газа и девушек за границу. Для торгового ремесла требующего шустрости Илья Николаевич был староват и потому он устроился вахтером на автостоянку: поднимать и опускать шлагбаум для въезда-выезда автомобилей и следить за их сохранностью на стоянке.

Зарплата было небольшая, но дежурить приходилось лишь сутки через трое, к тому же два-три авто за дежурство можно было пропустить на стоянку за наличный расчет без оформления квитанций, что вместе с пенсией и зарплатой обеспечивало приемлемый доход: без излишеств, но и голодать, как одинокие старики и старухи, ему не приходилось.

Сейчас, летом, Илья Николаевич устроил себе отпуск, намереваясь съездить в родной город и навестить места своего детства и юности, для чего договорился с другим вратарем, – как называли свое занятие вахтеры, согласившимся подежурить и за себя и за Илью Николаевича, чему хозяин автостоянки возражать не стал.

Однако, съездить на родину Илье Николаевичу не удалось: вначале он простудился выпив холодного пива в жаркий день, из-за чего целую неделю пролежал дома на диване, глотая различные снадобья, приобретенные в аптеке, что располагалась в соседнем доме, а выздоровев он с удивлением узнал, что железнодорожные билеты вдруг подорожали почти вдвое. Поездка на родину стала весьма накладной для финансового положения Ильи Николаевича, и он решил отложить посещение родных мест до лучших времен, которые конечно скоро наступят, если верить обещаниям и прогнозам говорящих голов из телевизора.

Отложив поездку, Илья Николаевич не прекратил отпускное безделье, которое заканчивалось через неделю, наслаждаясь тишиной и покоем в квартире, опустевшей после отъезда жены на дачу.

Жена Галина, тоже пенсионерка с пятилетним стажем, по весне, после майского дня Победы, ежегодно уезжала на дачу на всё лето и жила там до сентябрьских холодов, чему Илья Николаевич весьма радовался, оставаясь в городской квартире один, лишь изредка посещая жену на даче – если требовалось выполнить какие-то мужские работы по ремонту и благоустройству.

С женою, на склоне жизненных лет, они стали совсем чужими, а потому её назойливое присутствие зимой в общей квартире раздражало Илью Николаевича и поэтому летнее одиночество воспринималось им как вознаграждение за зимние дразги.

– Всё, надо вставать и начинать очередной жизненный день, который, к тому же, был ещё и днем моих именин, – решил Илья Николаевич сладко потягиваясь в утренней полудреме, замечая, что солнечный луч уже перебрался с пола на подоконник, а часы показывают без пяти минут восемь.

Именины – это день памяти святого, в честь которого дано имя христианину при его крещении.

Илья Николаевич, как и большинство его сверстников, не был крещен в детстве после рождения и имя ему дали родители в память об отце его отца.

Он никогда не отмечал своих именин ни прежде, ни теперь, когда вера в Бога начала насаждаться церковью с помощью государства, чтобы отвлечь православных и иных верующих от дел и забот земных и заставить их уповать на небеса и жить смиренно, не роптая, на власть имущих и несправедливое устройство человеческого общества.

Но после переворота в стране, который случился четверть века назад, были отвергнуты и прокляты новой властью идеалы справедливости и начали проповедоваться церковью христианские сказки о воле божьей и божьем промысле, который решает и определяет судьбу каждого человека и особенно церковный канон, что «Всякая власть есть от бога».

Телевизор, – как источник знаний, постоянно напоминает Илье Николаевичу, что имя ему дано не абы как, и не в честь деда, а в честь почитаемого святого Илии, который является одним из близких к Христу пророков. Он управляет громом, молниями и ещё, чёрт знает, какими силами небесными и земными, а главное, что этот Илия, должен спуститься на землю перед вторым пришествием Христа и возвестить всем людям о грядущем конце света.

Поддавшись телевизиорному натиску, усиленному поучениями жены: ставшей вдруг, на старости лет, верующей и крестившейся в церкви, Илья Николаевич исподволь начал тоже считать, что Ильин день что-то значит в его жизни, и потому старался в этот день не заниматься делами бытовыми, а если Ильин день приходился на выходной – то и трудовыми делами, посвящая по возможности Ильин день праздности и размышлениям о прожитом и предстоящем к прожитию в будущем.

Илья Николаевич осторожно встал с дивана, подошел к окну, раздвинул шторы и, открыв окно, впустил в комнату всё солнце, а не одинокий лучик, что помешал ему спать и разбудил спозаранку.

Вместе с солнцем в комнату ворвались шумы большого города: шелест автомобилей, мчавшихся сплошным потоком по магистрали, что пролегла за дальним углом дома; крики ребятишек, играющих ранним утром на детской площадке, что находилась прямо под окнами квартиры; грохот мусорных баков, которые мусоровозка опрокидывала в своё чрево на мусорной площадке и ещё какие-то скрежечущие и звенящие звуки, доносившиеся из-за соседних домов, огораживающих двор неправильным четырехугольником.

Вместе с шумами в комнату проникли запахи выхлопных автомобильных газов, вонь от мусорки, и Илья Николаевич, поморщившись, поспешил закрыть окно, чтобы избавиться от

шумов, запахов и зноя начинающегося летнего городского дня: лучше сидеть взаперти, чем в шумах и запахах – так решил он и занялся утренними процедурами.

Почистив зубы и сполоснув лицо, он вытерся полотенцем, взглянул в зеркало, потрогал рукой недельную щетину на лице и решил, несмотря на свои именины, сегодня не бриться: в гости Илья Николаевич никого не ожидал, а для дома и похода в ближний магазин за продуктами и так сойдет – чай не жених, а пенсионер и выпендриваться выбритым лицом ему не перед кем и не зачем.

Пройдя на кухню, он соорудил себе завтрак, пожарив яичницу из трех яиц и приготовив пару бутербродов с колбасой и сыром, к которым добавил ещё полпачки творога – вот и весь завтрак одинокого пенсионера.

В отсутствие жены он кормился почти всухомятку, лентясь готовить, хотя и имел задатки повара и умел готовить вкусно и быстро из подручных продуктов, удивляя редких гостей поварским талантом. Но в одиночестве и безделии есть не хотелось, да и организму уже не требовалось обильной пищи, и потому Илья Николаевич довольствовался бутербродами, пельменями, блинчиками с мясом или творогом и другими полуфабрикатами вполне пригодными в пищу пожилому человеку, если, конечно изготовитель и продавец не шибко обманывали качеством и ценою этих продуктов.

За приготовлением завтрака, и его поглощением, Илья Николаевич в пол-уха слушал новости из кухонного телевизора, подвешенного на подставке в противоположном от плиты углу кухни – на высоте человеческой головы: при готовке, повернув голову, можно было встретить всезнающий глаз телевизионного экрана, но при приеме пищи приходилось поднимать и запрокидывать голову, чтобы взглянуть в око мирового зла, которым он считал телевидение.

Когда-то, на заре своей юности, Илья Николаевич пристрастился к телевизору, видя в нем средство познания и развлечения, наряду с книгами и кино. Телевизор купили его родители, когда Илье было лет пять или семь – это был громоздкий ящик с экраном в два куса хозяйственного мыла и назывался он КВН.

Перед экраном отец установил большую выпуклую стеклянную линзу, в которую наливалась вода и если смотреть сквозь эту линзу на экран телевизора, то картинки, мелькающие на экране, увеличивались раза в два и можно было спокойно смотреть передачи, отодвинувшись на метр-полтора и не щуриться, глядя в мерцающий голубоватым отблеском экран домашнего кино – так называли родители свой телевизор.

Черно-белое изображение на экране дергалось, расплывалось и исчезало при порывах ветра и дожде за окном, которые раскачивали и заливали водой телеантенну на крыше, но всё равно маленький экран открывал вход в большой мир природы и людей, который, как казалось Илюше, скрывался за телевизионным ящиком, оставляя лишь квадрат экрана, через который и можно было подглядывать за этим незнакомым и пугающим внешним миром.

Точно так, Илья, в детском саду, подглядывал сквозь щель в заборе на улицу, наблюдая как люди спешили по своим делам, проезжали редкие автомобили и где-то далеко раздавался гудок паровоза, который Илья несколько раз видел на станции, куда он ходил вместе с отцом встречать мать, работавшую на этой станции сцепщицей вагонов.

Вечерами, закончив домашние дела, родители усаживались на диване напротив телевизора, Илья пристраивался сбоку или между отцом и матерью и всей семьей они смотрели кино или какую-нибудь передачу. Программа телевидения была одна и хочешь не хочешь, приходилось всем смотреть одно и то же. Потом наступало время вечерней сказки для малышек, после которой Илью укладывали спать, а родители ещё час или два оставались около телевизора, экран которого вскоре угасал по окончании передач и родители уходили тоже на покой.

В выходной день – воскресенье, Илья смотрел детские передачи: спектакль или детский фильм, уходя на это время с улицы, где играл с соседскими мальчишками, иногда, с разрешения родителей, приводя одного-двух товарищей для совместного просмотра детского фильма.

Потом, когда Илья уже учился в школе, родители купили новый телевизор «Рекорд», у которого экран был уже размером побольше, картинка почетче и увеличительного стекла перед экраном не требовалось.

Появилась и вторая программа телепередач, и уже можно было выбрать для просмотра передачу по вкусу, что частенько вызывало споры между отцом и матерью что смотреть: отец любил смотреть футбол и хоккей, а мать предпочитала фильмы и концерты. Впрочем, споры эти были беззлобные и заканчивались компромиссом, да и сами телепередачи настраивали на мирный лад: новости сообщали только о хороших событиях в стране, ведущие были спокойны и доброжелательны, фильмы оптимистичны, концерты веселы и непринужденны, и поэтому родители, выключая телевизор, уходили спать в свою комнату в хорошем настроении и умиротворенные, хотя ещё два-три часа назад спорили, что смотреть.

Илья, если не был занят мальчишескими делами, при споре родителей о программе просмотра телевизора, принимал сторону того из родителей, чьё желание совпадало с его: родителей было двое, программ передач было две и всегда можно было примкнуть то к отцу, то к матери и вдвоем победить, включив нужную клавишу на панели телевизора.

Таковы были воспоминания Ильи Николаевича о телевидении его детства.

Сейчас при готовке и поглощении завтрака, телевизор извергал истерический речитатив ведущих новости мужчины и женщины, которые наперебой и скороговоркой, чтобы уложиться в отведенное время, сообщали новости со всего света, а именно: стихийные бедствия, пожары, убийства, катастрофы и прочие несчастья, которые произошли за прошедшую ночь, пусть даже на другом конце Земли.

Сообщения о происшествиях сопровождались съёмками с места событий, где возбужденные люди перетаскивали тела погибших или сидели в оцепенении в окружении суесящихся репортеров, которые как шакалы, рвали очевидцев друг у друга, чтобы первыми и для своего агентства или телеканала слить новость о несчастье в глаза и уши телезрителей и радиослушателей по всему миру.

Илья Николаевич не переставал удивляться: зачем ему, здесь в России, в столице, знать, что где-то в Южной Америке автобус потерпел аварию, столкнувшись с коровой, вышедшей на шоссе, и трое человек погибли; или алкаши в сибирской деревне ограбили старика-пенсионера, избили его и отобрали несколько тысяч рублей – всю полученную пенсию, чтобы купить себе водки и напиться до потери сознания здесь же по соседству? Что эти новости несут полезного людям? Ничего! А вот негативное возбуждение чувств и расстройство психики эти, льющиеся сплошным потоком со всех каналов телевидения и радиовещания, плохие новости вполне обеспечивают, иногда доводя людей до душевного расстройства и даже повторения мерзких преступлений.

По видимому, хозяева теле и радио каналов считают иначе: нужно привлечь внимание зрителей и слушателей к своему каналу жареными фактами и, тем самым обеспечить разнообразие рекламы, которая с заданной периодичностью перекрывает все передачи по всем каналам одновременно, призывая что-то купить: немедленно и только сейчас – по якобы сниженным ценам.

Теле и радио каналов становится всё больше: десятки и сотни, одни и те же скорбные новости муссируются с разных сторон и в разное время, так что новость о каком-нибудь самоубийце или ограблении можно слышать целую неделю, нарываясь на неё при переключении каналов.

Множество теле– и радио каналов не покрывают своей многочисленностью убогость и жестокость содержания передач, которые в различных вариантах муссируют и смакуют три темы: бедствия, преступления и секс. Эти темы перетекают из новостей в телефильмы и радиопередачи, оттуда в беседы и ток-шоу, прерываясь на рекламные паузы и визг и вой эстрад-

ных представлений, перемежающихся хаотичным мельканием дробящихся на глазах заставок, оканчивающих всю эту какофонию звуков и изображений.

Вот и сейчас, льющиеся из телевизора цвета и звуки дробили утреннее сознание Ильи Николаевича, не позволяя ему осмыслить и обдумать услышанное и увиденное и лишь тупо следовать, как телку на веревке, за сменяющимися картинками и звуками, изрыгающими телевизором.

Илья Николаевич, пытался иногда изменить получаемые ощущения от телевизора путем переключения каналов, но, натываясь вновь и вновь на разных каналах на несчастья, насилие и секс – давно оставил свои попытки и потому, прослушав и просмотрев утренние новости или выключал телевизор или переключал его на канал, рассказывающий о животных: слава богу у животных жизнь, видимо, протекает как и прежде, не изменившись за полвека, когда телевидение вошло в каждый дом и подчинило своей воле всё человечество.

Возможно, где-нибудь в тропических лесах Африки или Америки, дикие племена людей тоже продолжают жить по древним традициям, но Илья Николаевич жил в цивилизованном обществе современной России и оказаться в дебрях Амазонки или африканских джунглях не имел возможности по экономическим причинам и возрасту.

Прослушав плохие новости до конца, Илья Николаевич, узнав от радостной девицы, что сегодня будет солнечная и теплая погода, переключил телевизор на другой канал, где повар-мужчина радовал зрителей рецептами воскресного завтрака.

На сегодня, зрителям предлагалось позавтракать салатом из тропических фруктов с королевскими креветками в меду, свежееиспеченным творожным пудингом и чашкой горячего шоколада. Это меню разительно отличалось от завтрака Ильи Николаевича, но он не стал завидовать, а спокойно закончил свой завтрак, несколько недоумевая: зачем предлагать россиянам в начале августа завтрак из тропических фруктов, если на рынках полно местных фруктов? Но повар, видимо мечтал показать возможности рынка и свои поварские изыски и фантазии.

После утренних хлопот и плотного завтрака организм Ильи Николаевича потребовал отдыха и, убрав постель в диван, он прилег на него для кратковременного расслабления телесных чувств.

Своё тело он именовал организмом, памятуя школьные уроки биологии и как технический человек, имеющий дело с механизмами, а слова организм и механизм хорошо сочетались по звучанию и по смыслу.

Но свои мысли и воображения, которые возникали в голове, Илья Николаевич называл душой, тем самым, отделяя свое духовное «я» от тяжелой брэнной оболочки. Тело с годами поизносилось и требовало внимательного ухода, тогда как душа по-прежнему была отзывчива на любую мысль, особенно для воспоминания из прожитого.

Он где-то вычитал, что трагедия старости не в том, что тело дряхлеет, а в том, что душа остается молодой, и был вполне согласен с этим афоризмом.

Пристроившись на диване, Илья Николаевич позволил организму расслабиться и, отпустив душу в свободное плавание по закоулкам памяти, впал в сытое гипнотическое оцепенение, когда тело дремлет, а мысли плавно скользят по волнам океана памяти, вытаскивая на поверхность какое-либо событие из далекого прошлого или нелепый отрывок из увиденного и услышанного сегодня или вчера по телевизору.

Какой-то ученый, в научной телепрограмме высказал гипотезу, что человеческий мозг запоминает в память все житейские события, непрерывно и постоянно, как видеокамера и Илья Николаевич был вполне согласен с этим ученым, будучи поражен бурным развитием компьютерных технологий, случившимся на закате его жизни, с тревогой ожидая, что вот-вот ученые создадут искусственный разум, который превзойдет человеческий мозг и сделает существование людей бесполезным, а то и вовсе уничтожит людей на земле, как человек уничтожает тараканов в доме.

Сейчас, в полудреме на диване, глобальные мысли о судьбах человечества исчезли, и память услужливо вытянула из тайников мозга воспоминания из жизни Ильи Николаевича пятидесятилетней давности.

II

Неожиданно вспомнилось лето 1965 года, когда Илья Николаевич, или Илья как его, двенадцатилетнего мальчика, называли мать и сверстники по учебе и дворовой жизни, был отправлен родителями на третью смену в пионерский лагерь, недалеко от Смоленска на берегу Днепра.

Илья уже был в пионерлагере в позапрошлом году, но тогда ему, десятилетнему, не понравилась лагерная жизнь под надзором вожатой и присмотром воспитателя, и он уговорил родителей не отправлять его на следующий год в этот лагерь от завода, на котором работал отец.

В те годы, крупные предприятия обеспечивали людей не только работой и заработной платой, но и строили жильё для своих сотрудников, имели поликлиники, пансионаты и дома отдыха для взрослых, детсады и пионерские лагеря для детей и всё это за счет завода и совершенно бесплатно для работников и членов их семей.

Родителям Ильи в то лето достались бесплатные путевки в заводской пансионат в Крыму и потому родители отправили сына в пионерский лагерь, несмотря на его возражения. Им тоже хотелось отдохнуть беззаботно и свободно от ребенка, которого они, конечно, любили, но даже от любимого дитя иногда требовался отдых. Всё это отец объяснил Илье и тот вынужден был подчиниться родительской воле, уже понимая правоту взрослых, и отправился в пионерский лагерь без настроения, но осознавая всю необходимость своего вынужденного пребывания в этом лагере.

Воскресным утром, собрав чемодан вещей для Ильи на весь срок его пионерской жизни, родители отвели его на площадь перед заводской проходной, где детей погрузили в автобусы, которые под напутственные пожелания родителей должны были повезти детей прочь из города на летний отдых в лагере.

Погрузку в автобусы проводили по отрядам, в которые школьников распределили заранее и по возрасту. Илья попал в отряд пятиклассников, в котором оказался и знакомый по двору мальчик по имени Саша: не друг, но приятель по дворовым играм и проказам. Мальчики сели рядом и решили держаться вместе, что сразу подняло обоим настроение.

Над площадью из репродуктора доносилась бравурная музыка, провожающие украдкой вытирали слезы, словно отправляли своих детей в опасное и неведомое путешествие. Потом послышалась пионерская песня, из которой сейчас, спустя многие годы, Илья Николаевич вспомнил только один куплет:

*«Хорошо на закате, посидеть у костра,
Пионерское наше šťastливое лето -
Для ребят золотая пора».*

Детский хор из репродуктора закончил песню, зазвучал марш «Прощание Славянки» и колонна автобусов тронулась, увозя детей и Илью с приятелем в пионерский лагерь, куда им вовсе не хотелось уезжать из привычной дворовой и школьной жизни, но родительская воля была сильнее ребяческого желания.

Через полчаса автобусы доставили ребят до места назначения. Пионерский заводской лагерь состоял из нескольких приземистых деревянных корпусов барачного типа, в каждом из которых, отдельно размещался пионерский отряд в комнатах на четыре человека, а всего числом тридцать. В конце коридора были туалеты и умывальная комната, а у входа – комната пионервожатого: им в отряде Ильи оказалась восемнадцатилетняя девушка Лена Винокурова. Окончив школу, она пришла работать на завод и согласилась быть вожатой на все три смены.

Ещё в лагере была столовая: тоже барак, но значительно больших размеров, к столовой прилегалo здание кухни, рядом с ними стояли баня с котельной, а ближе к выходу располагалось административное здание, где размещалось начальство над взрослыми и лазарет – на всякий случай, для детей, почувствовавших недомогание.

Все строения были летнего типа без отопления, хотя Илья и слышал от родителей, что завод собирается перестроить лагерь и провести отопление, чтобы сделать второй зимний заводской пансионат, и дать возможность детям отдохнуть здесь во время зимних каникул.

Посредине лагеря стояла большая крытая веранда, на которой ребята проводили время, если стояла дождливая погода: может потому Илье и не понравилось пребывание в лагере в прошлый раз, что месяц июль выдался дождливым и холодным и время проводить на веранде было скучно, хотя и организовывались всякие игры и турниры, а в палатах спать было холодно.

В этот раз он был уже в старшем отряде и надеялся, что время пройдет веселее, да и погода не подведет.

Выгрузившись из автобусов, ребята под надзором вожатых пошли размещаться по палатам – так почему-то назывались комнаты, будто в больнице, куда Илья попал однажды по случаю сильной простуды с подозрением на воспаление легких, которое, к счастью, не подтвердилось.

Илья поселился вместе с Сашей. К ним попали ещё два мальчика, и не прошло и часа как все подружились и решили держаться вместе, чтобы было веселей.

За разбором чемоданов с вещами наступило время обеда, и по сигналу вожатой отряд направился к столовой, где младшие два отряда уже пообедали, и теперь наступило время старшим. На обед подавались: борщ, салат из огурцов и помидоров, котлета с картошкой и компот с булочкой. Покушав, ребята разошлись кто куда: после обеда по распорядку наступал тихий час, когда младшие отряды проводили время в палатах и ребята могли вздремнуть или тихо посидеть, а старшие отряды могли заняться чем-либо на территории с условием не шуметь и не тревожить младших.

Помнится, что Илья, в этот первый день пребывания в лагере, остался с соседями по палате на веранде и играл в шашки, попеременно выигрывая и проигрывая, зевнув одну-две шашки, потому что отвлекался от игры, присматриваясь украдкой к своей вожатой, которая сидела в углу вместе с другими вожатыми и физруком и весело смеялись между собой.

Вожатая Лена была статная миловидная девушка, только что вступившая в пору девичьего расцвета. Она сидела за столом грациозно изогнувшись, так что девичьи формы рельефно выделялись округлостями сквозь ситец летнего платья. Длинные прямые черные волосы девушки были стянуты резинкой, и далее свободно падали ей на спину скрывая изящную шею: по девичьи тонкую и длинную.

Большие карие глаза Лены временами покрывались поволокой, от какой-то внезапной мысли заставлявшей румяниться её щеки, и тогда девушка прикрывала глаза пушистыми ресницами. Она была не прекрасна, но красива той девичьей красотой, которая случается на исходе юности почти с каждой взрослеющей девицей и мгновенно понравилась Илье, впервые вызвав в нем сладкую негу во всем теле и желание прикоснуться к Лене, погладить её рукой по девичьему стану и прижаться губами к ложбинке между округлых грудей, свободно врезавшихся тугими сосцами вперед и навстречу неизвестному ещё, но уже желанному покорителю этой девушки.

Илье шёл уже тринадцатый год, за лето он вытянулся на полголовы и превратился в угловатого подростка с ломающимся голосом. Ночами, иногда, ему стали сниться непонятные сны со смутными желаниями и потому он сразу и беззаветно ощутил юношеское влечение к этой девушке, почувствовав сладко-болезненный спазм внизу живота, разглядывая, исподтишка, свою вожатую Лену.

Девушка тем временем что-то рассказывала сидящему рядом физруку: крепкому молодому человеку лет 25-ти, с хорошо тренированным телом, одетому в спортивные брюки и тенниску. За разговором, физрук небрежно положил свою руку на девичье плечо и Илья тотчас исполнился ненавистью к этому парню, свободно прикасающемуся к Лене, о чем ему, подростку, оставалось только мечтать.

Сознание своего мальчишества и незрелости по сравнению с этим парнем лишь возбудило в Илье первое чувство ревности, которое тоже оказалось для него новым и незнакомым. Поглощенный этими чувствами любви и ревности, Илья стал проигрывать в шашки одну партию за другой, пока Лена, закончив разговоры с другими вожатыми, не встала и, громко хлопнув в ладони, пригласила мальчиков и девочек своего отряда к себе в угол веранды, чтобы условиться о распорядке следующего дня.

Илья тотчас прекратил игру и одним из первых откликнулся на призыв вожатой, став рядом с ней и испытав непонятное блаженство от случайного прикосновения к девушке, когда ребята столпились возле неё, прижав мальчика к тугому бедру вожатой Лены.

От этого прикосновения мальчик вспыхнул лицом, губы его пересохли, голова закружилась, и он поспешно отодвинулся за спину вожатой, чтобы она случайно не заметила его состояния. Но Лена видимо привыкла к тому, что взрослеющие мальчики с обожанием относятся к ней, испытывая первые юношеские желания, и потому не обратила никакого внимания на движения этого подростка, который прижался к ней и мгновенно отстранился, скрывшись за спину.

Собрав отряд, Лена подробно рассказала ребятам о том, что их ожидает за три недели пребывания в лагере: утром каждого дня физзарядка около своих корпусов, потом завтрак, после завтрака полчаса свободного времени, затем сбор отряда и, в зависимости от погоды: купание на реке, поход в лес. В дождь какой-нибудь турнир – игра на веранде, потом обед, час отдыха, опять сбор всех, занятия на спортплощадке, кто чем хочет, полдник, снова выход в лес или на реку, ужин, свободное время, вечерний лагерный сбор у костра в центре лагеря, где желающие могут спеть или сыграть на музыкальных инструментах – кто умеет, погашение костра и отбой на ночь.

Ещё в лагере будут кружки: художественной самодеятельности, шахматно-шашечный, рукоделие для девочек и столярное обучение для мальчиков. В лагере есть библиотека, где много книг и можно брать их в палату, но не читать после отбоя. Для каждого отряда будет экскурсия на автобусах в город в краеведческий музей, три раза в неделю будет приезжать вечером кинопередвижка и показывать фильм – как стемнеет, поэтому отбой в эти дни не в десять, а в одиннадцать вечера. Для их старшего отряда будет поход на два дня на лодках по Днепру, с ночевкой в палатках на острове. Одну неделю они будут дежурить по лагерю: следить за порядком, помогать на кухне и наводить чистоту в лагере – так что скучать никому не придется.

Она, вожатая, будет с ними на общих сборах, а в остальное время ребята, как почти взрослые, могут заниматься своими интересами, по желанию. В лес можно уходить группой, по разрешению. На реку выходить только с ней или с физруком, купаться тоже под присмотром, а во всем остальном она полагается на их пионерскую совесть и ответственность. Ходить в лагере можно в любой одежде, но не босиком, а в пионерской форме лишь на торжественных построениях, о которых будет объявлено дополнительно.

Илья не был пионером: когда его класс вступал в пионеры, он приболел, а после как-то не удосужился официально вступить в пионеры, но галстук купил и даже иногда одевал его по торжественным случаям. Не участвовал в пионерских сборах своего класса, но участвовал во всех делах своих одноклассников – пионеров.

Несколько раз Илье, друзья по школе, предлагали вступить в пионеры, но друзья по двору отговаривали его, что вступив в пионеры он будет отвечать за свои поступки в школе и в дво-

ровой жизни, и даже могут исключить из пионеров, например, за то, что он поймал дворовую кошку, привязал ей к хвосту консервную банку и бедное животное носилось по двору громахая железякой, пока дворничиха не отвязала эту банку, пригрозив дворовой шпане сообщить в школу.

Илья решил не вступать в пионеры, коль его могут потом исключить из них.

Закончив объяснение будущей лагерной жизни, вожатая Лена предложила всем отрядом прогуляться на реку, благо стояла жаркая солнечная погода, когда можно и искупаться. Все охотно согласилось и ребята, прихватив плавки и полотенца, двинулись с вожатой из ворот лагеря к Днепру, до которого было с полкилометра пути.

Девочки пока держались отдельно от мальчиков ближе к вожатой. У ворот лагеря к ним присоединился физрук Андрей, которого Лена, видимо, предупредила заранее и все вместе веселой толпой направились по тропинке, петляющей между сосен, к реке, и вскоре оказались на крутом берегу Днепра, где внизу была огорожена металлической сеткой большая заводь, к которой вела деревянная лестница с перилами.

На берегу оказались дощатые кабинки для переодевания и мальчики, мигом надев сатиновые плавки на шнурках, кинулись с разбега в воду, которая оказалась теплой и прозрачной, так что виделись стайки мелких рыбешек, которые кинулись врассыпную от ребячьего плеска и шума.

Чуть позже к ним присоединились и девочки, которые тоже переоделись в купальники, и теперь, немного смущаясь своей наготы, осторожно входили в воду, повизгивая, если до них долетали брызги от купающихся мальчиков.

Девочки были выше и крупнее почти всех мальчиков, кроме Ильи и еще двух ребят, которые вытянулись, но были ещё по детски худы и нескладны.

Девочки, напротив, уже начали округляться, приобретая девичьи формы, которые так притягивали взоры мальчиков, что они даже перестали плескаться, но, опомнившись, начали окатывать девочек веером брызг, отчего те, с криками и визгом, тоже плюхнулись в мелководье заводя, прогретой солнцем на исходе июльского дня.

Вожатая Лена тоже переделась и стояла на берегу в синем купальнике с боковыми белыми полосами, который туго обтягивал девичью фигуру, так что Лена казалась почти нагой. Такие нейлоновые купальники только что появились в продаже и теперь девушки, которым повезло, красовались в них, ловя восхищенные мужские взоры.

Мать Ильи тоже купила купальник для поездки в Крым и хвасталась им мужу и сыну.

Здесь в заводя из мужчин был только физрук Андрей, который стоял рядом с Леной и тоже приготовившийся к купанию. Он был в узеньких плавках подчеркивающих все достоинства его мужской фигуры, покрытой за лето крепким, шоколадного цвета, загаром. Физрук стоял рядом с вожатой, небрежно, и по-хозяйски положив свою руку ей на плечо, чем снова вызвал у Ильи приступ злости и зависти к этому парню.

Лена, разбежавшись, прыгнула в воду и поплыла по-мужски, саженками, присоединившись к девочкам, а физрук, выбрав место поглубже, тоже с разбега прыгнул, сделав в воздухе сальто, чем вызвал одобрительные восклицания всех купающихся.

Побултыхавшись с полчаса, ребята улеглись на берегу прямо на песок, в то время, как девочки продолжали купаться и не помышляя выходить из воды. Илья ещё прошлым летом, купаясь с дворовыми мальчишками, заметил, что девчонки любят купаться подольше, но редко, а мальчишки немного поплескавшись, выходят из воды, чтобы спустя несколько минут, снова окунуться.

Илья не знал, конечно, что уже в детском возрасте формируются психологические различия между полами: желания девушек более редки, но связаны с глубокими чувствами, а желания юношей многочисленны, но мимолетны и поверхностны.

На берег пришел ещё один отряд и присоединился к купающимся. Солнце клонилось к западу, когда ребята довольные отдыхом на воде собрались назад в лагерь, где скоро начиналось время ужина.

Поужинав, Илья потолкался на веранде и сыграл пару партий в шашки с соседом Сашей. Потом весь лагерь собрался у большого костра, который разожгли по случаю начала смены. Девочки спели несколько песен приглашая ребят подпеть им, но ребята отнекивались.

Потом наступило время отбоя, и Илья отправился с приятелем в свою палату, исподволь наблюдая, как вожатая Лена в неизменном сопровождении физрука Андрея пошли в сторону административного корпуса: рядом, но не взявшись за руки, чем успокоила разгорающуюся в мальчишке чувство первой любви к девушке: по взрослому в душе, но еще не готовому к этому чувству неразвитым телом подростка.

Первый день пребывания Ильи в лагере прошел интересно и ему впервые понравилась девушка Лена – вожатая их отряда. Ребята тоже пришли по душе: никто из них не лез в жоаки и не злобствовал над менее сильными, а впереди было много неизвестного и интересного и вполне довольный этим днем, Илья лег на свою кровать и мгновенно уснул, чтобы завтрашний день наступил скорее.

Дни лагерной жизни замелькали один за другим, как фигурки в калейдоскопе, в который Илья любил смотреть в детстве, наблюдая как невзрачные камешки, отражаясь многократно в зеркальных стенках, превращаются в прекрасные цветы и фигурки, если смотреть через окуляр слегка поворачивая калейдоскоп, чтобы изменить разноцветные орнаменты, которые никогда не повторяются, поскольку цветные камешки в калейдоскопе всегда пересыпаются по другому.

Илья потом разобрал калейдоскоп и там оказались три пластинки стекла соединенные вместе треугольником призмы и обернутые бумагой: от этого треугольника отражались мелкие камешки пересыпающиеся в коробочке, отделенной стенками – всё оказалось очень просто. Потом, в жизни, Илья часто убеждался, что простые вещи оказывались сложными, а сложные дела, на поверку, оказывались проще простого.

Вот и лагерные дни Ильи всякий раз проходили по-другому, несмотря на жесткий распорядок. Погода стояла великолепная: теплые и ясные дни сменялись тихими темными ночами, освещенными луной и отблесками большого костра, который разжигался каждый вечер и собирал вокруг себя добрую половину ребят, тогда как другая половина занималась ребячьими поздними играми по интересам, чтением книг или просмотром телевизора в красном уголке, куда иногда заглядывал и Илья, особенно если вожатая Лена меняла место у костра на место у телевизора.

Обожание Лены не мешало Илье в играх с друзьями, которыми оказались почти все ребята их отряда. Они играли в футбол на лесной поляне возле лагеря, ходили на речку купаться, устраивали игры в разведчиков и партизан в лесу, хотя и немного стеснялись этого детского увлечения, считая себя взрослыми. Когда подошла их очередь, съездили на автобусе в городской краеведческий музей, куда Илья ходил уже однажды классом в прошлом году, но сейчас этот поход показался ему интереснее.

Потом наступил день их похода, как и обещала вожатая Лена. Всем ребятам выдали рюкзаки, одеяла, еду в пакетах и консервные банки и ребята цепочкой двинулись из лагеря в поход, сопровождаемые физруком и вожатой Леной, которая замыкала отряд.

Пройдя с час пути по лесу, они спустились к реке около соседнего лагеря, там было небольшая пристань с лодками, которые физрук назвал шлюпками. Ребята расселись за весла, которых было по шесть у каждой лодки. Девочки оказались пассажирками и три шлюпки, медленно двинулись вдоль берега против течения, оказавшегося неожиданно быстрым в этих местах. Мальчишки усердно гребли под команды вожатого Андрея, но быстро устали с непривычки и пристали к берегу на обед. Обед состоял из хлеба с тушенкой и показался удивительно вкусным после тяжелой работы за веслами.

Отдохнув, двинулись на лодках дальше, и вскоре показался остров – цель их похода. Остров находился посередине реки и вытянулся длинной полосой леса. Видимо, река когда-то изменила свое русло здесь и отрезала своими водами большой кусок леса, который и оказался островом.

Лодки причалили к острову в небольшую бухточку, на берегу которой, в отдалении, стояли большие брезентовые палатки – место их отдыха и ночлега.

Оставив рюкзаки в палатках, ребята двинулись осматривать остров, чувствуя себя робинзонами, о котором, конечно, читали все. Обследуя остров возвратились к бивуаку и стали разжигать костер из запасенных кем-то сухих веток: это предыдущие путешественники позаботились о новых постояльцах, чтобы они, в свою очередь, подумали о других и тоже позаботились, чем ребята и занялись, частично, а другие, смастерив удочки, принялись ловить рыбу для пионерской ухи. Непуганая рыбешка смело шла на поклев кузнечиков и мух и вскоре полное ведро плотвы, окуней и щучек стояло возле кострища, ожидая приготовления ухи, которым занялись девочки.

Мальчики разожгли костер, потом рядом другой, девочки почистили рыбу, затем над кострами повесили на подпорках по большому котлу, налили в них воды из реки и, когда вода закипела, бросили туда рыбешку, добавив соли и перца. Скоро уха была готова и оголодавшие путешественники с удовольствием хлебали горячий рыбный суп, зачерпывая его своими жестяными кружками, которые им выдали на кухне вместе с хлебом и консервами. Вскоре котлы с ухой опустели, и девочки с помощью мальчиков вымыли их в речной воде, наполнили вновь водой и повесили под кострами для вечернего чаепития у костра.

Пока вода закипала, кто-то запел пионерскую походную песню, ту самую, слова которой Илья Николаевич никак не мог вспомнить в начале этих воспоминаний. Наступила темная летняя ночь, в лесу заухал филин, прыгали какие-то ночные птицы, девочки боязливо жались друг к другу, а мальчики подбрасывали новых веток в костры, чтобы пламя отгоняло мрак ночи подальше.

Все это делалось ребятами самостоятельно, поскольку вожатая и физрук держались в отдалении, не вмешивались и не делали приказаний, что и как нужно делать. Ребята попили у костра, попили чаю и, наконец, разошлись по палаткам на ночлег. Ночевать приходилось на охапках сена, брошенных прямо на землю из копны, стоявшей рядом. Илья укрылся одеялом и собрался было уснуть, но, вспомнив, что перед сном надо бы сбегать «до ветру», встал и выглянул из палатки.

У затухающего костра сидели рядом физрук и Лена, было тихо и, неожиданно, физрук привлек к себе вожатую и начал целовать в щеки, грудь и губы, а Лена отвечала ему взаимностью, прижимаясь всем телом к мужчине. Илью неприятно резануло увиденное и, чтобы отвлечь взрослых, он громко кашлянул и вышел из палатки, направляясь к туалетам, что были неподалеку. Лена и физрук отпрянув друг от друга, сидели молча у костра, пока мальчик проходил мимо туда и обратно.

Вернувшись, Илья начал строить планы, как бы отомстить физруку за то, что целовал Лену, но усталость смежила ему веки, и он уснул крепким сном до самого утра, а проснувшись и вспомнив вчерашнее, он не мог понять: виделось ли это ему наяву или ревность нарисовала ему такую картину в его воображении.

Позавтракав из своих припасов, ребята переправились на лодках к берегу и, оставив шлюпки на месте их стоянки, двинулись лесною тропой – путь назад был пешим через густой сосновый лес. Поход и ночевка в лесу на острове сблизили ребят и взрослых, и они шли вместе, разговаривая на равных.

Физрук Андрей, который учился в педагогическом институте, а летом подрабатывал физруком в пионерском лагере, рассказал, что лес, которым они идут, называется Катынским: в войну с фашистами, когда немцы захватили город, они расстреляли в этом лесу несколько

тысяч пленных поляков – офицеров и закопали здесь же, неподалеку от лагеря, где ребята оставили лодки.

Кто-то спросил: а как здесь оказались поляки – ведь война была с немцами? – на что физрук ответил, что за два года до войны с СССР, немцы напали на Польшу и захватили её, а советские войска тогда освободили от поляков часть Белоруссии и Украины, которые поляки захватили ещё в гражданскую войну. Польские войска, которые оказались на этой территории, были разоружены, распущены по домам, а офицеры, участвующие в зверствах над украинцами и белорусами, были помещены в лагерь, один из которых был здесь в Катынском лесу.

Захватив местность, немцы перестреляли пленных поляков и закопали здесь же, но через год с лишним, когда немцев разбили под Сталинградом, который сейчас называется Волгоград, немцы решили свалить расстрел пленных поляков на Советскую власть, чтобы поссорить поляков и русских между собой.

Когда Красная армия освободила город в сорок третьем году, была организована комиссия, которая установила, что поляков расстреляли именно немцы из своего оружия и именно осенью сорок первого, а не весной сорокового года, так что поссорить Красную армию с поляками не удалось. Было организовано Войско Польское из пленных поляков, которое вместе с Красной армией било фашистов и освобождало свою страну от немецких оккупантов.

Зачем немцы расстреляли пленных поляков? – спросил Илья, на что физрук ответил: «Не знаю. Фашисты плохо относились к пленным: их требовалось охранять и кормить, а надо уже наступать на Москву, поэтому и расстреляли, чтобы не отвлекаться. Они и русских пленных уничтожали, как только могли, а если бы фашисты победили, то хотели и всех русских уничтожить».

Сделав несколько привалов, ребята к вечеру возвратились домой, поужинали и разошлись спать по палатам: уставшие, но довольные этим путешествием.

На следующий день Илья с друзьями, без разрешения убежали купаться, но были застигнуты там физруком и получили строгие замечания: без взрослых купаться нельзя – вдруг судорогой сведет ноги и кто-то может утонуть, а отвечать будут взрослые и он, как физрук, в том числе.

– Если нужно очень, пригласите меня и вместе сходим искупаться, – пояснил физрук Андрей. – Не подводите меня больше, вы уже почти взрослые и должны ответственно относиться к своим поступкам и не подводить невиновных людей – такова взрослая жизнь.

Ребята обещали не повторять больше походов на реку и инцидент был исчерпан. Взамен купания, ребята облазили все окрестности лагеря, нашли заросли малины и смородины – ягоды уже созрели и они объедались ими сами и приносили и угощали девочек, а Илья осмелился и подарил литровую банку малины вожатой Лене, которая с благодарностью приняла ягоды и потрепала Илью по затылку, отчего мальчик покраснел и молча убежал, долго ещё ощущая, как горит его шея от девичьего прикосновения вожатой.

Бродя по окрестностям, Илья с ребятами наткнулись, однажды, на небольшой лагерь в глубине леса. Лагерь этот был обнесен невысоким забором из частокола, в глубине, за соснами скрывались три корпуса, такие же, что и в их лагере.

На площадке для игр виднелись несколько подростков Илюшиного возраста, которые ходили парами или качались на качелях в полной тишине, без ребячьих криков и возгласов, что и привлекло внимание мальчиков. Они перелезли через забор, и подошли ближе к играющим, которых было не более десяти.

У всех детей были неподвижные лица и осторожные замедленные движения. На глазах Илья двое: мальчик и девочка, на ощупь, вдоль веревочки, подошли к качели, сели рядом и принялись раскачиваться всё выше и выше, держась друг за друга и за качели. Илья заметил, как слабые улыбки озарили неподвижные лица мальчика и девочки, упоенно раскачивающихся в полной тишине, даже девочка не взвизгивала, что обычно делали девочки в их лагере, рас-

качиваясь так высоко. Глаза качающихся были широко открыты и, не мигая, смотрели куда-то вдаль.

– А ну сорванцы, прочь из лагеря, – раздался чей-то голос и, обернувшись, Илья увидел сторожа, который, прикрикивая, приближался к ним.

– Да мы ничего, только посмотреть на этих странных ребят, – оправдался Саша, сосед Илья по палате и приятель по вылазкам из лагеря.

– Нечего здесь смотреть – это пансионат для детей-инвалидов. Не повезло деткам в жизни: родились такими или от болезней стали инвалидами, – горько сказал старик. – Я сторожем здесь, чтобы чужие не ходили – вот и вы залезли, можете сдуру и потревожить детишек. Они все здесь слепоглухонемые – с трудом выговорил старик длинное слово.

– Значит, не видят, не слышат и не разговаривают, а всё делают на ощупь и друг с другом общаются прикосновениями. Но некоторые умеют читать по азбуке для слепых и как-то понимают, прикасаясь особым образом. – Нельзя без слез смотреть на этих несчастных, а они на качелях катаются, играют друг с другом и даже улыбаются иногда, что особенно удивительно: не видят, не слышат, но радуются и улыбаются – чудно как-то получается.

Илья представил себе, что это он качается на качелях в полной темноте и в абсолютной тишине, и ему стало жутко, понимая, что видения и звуки окружающего мира никогда не вернуться к этим детям, самозабвенно и сосредоточенно качающимся на качелях и изредка улыбаясь, когда качели взлетали особенно высоко.

– Ладно, хватит, посмотрели на убогих и уходите без баловства, чтобы не обидеть этих детишек, которых бог уже обидел. Поневоле перестанешь верить в бога, когда помотришь на этих незрячих и глухих детей – за что бог их наказал, если они ещё не успели согрешить в жизни. Конечно, вы пионеры в бога не веруете, а каково мне каждый день видеть этих ребят – ведь я-то верующий!

С этими словами старик выпроводил ребят с территории лагеря, чему они не противились, замолчав и поникнув, впервые в жизни столкнувшись со сверстниками-инвалидами. С взрослыми: больными и убогими, они конечно пересекались на улице или по-соседски во дворах, но чтобы с ребятами-инвалидами с детства – такого ещё с ними не бывало.

Потом, на протяжении всей своей жизни, Илья, когда ему было особенно трудно или одолевала житейская тоска, всегда вспоминал слепых и глухих ребят, качающихся на качелях или ощупью, по веревочке, гуляющих по игровой площадке, и что самое удивительное, иногда улыбающихся, с неподвижным лицом, и его житейские неприятности и заботы сразу становились незначительными и временными, по сравнению с полным мраком и тишиной, на которую были обречены на всю жизнь те случайно встреченные им дети-инвалиды в веселое пионерское лето, его начинающей взрослой жизни.

До окончания лагерной смены оставалась неделя, когда Илья совершил подлый поступок, которого так и не простил себе никогда.

Однажды ночью, он проснулся от зубной боли, которая возникла внезапно и резко, так что онемела скула. Поворочавшись немного и убедившись, что боль не утихает, он встал и прошелся по комнате, не зная, что делать. Идти к фельдшеру ночью и жаловаться на боль ему не позволяла мальчишеская гордость, но и сидеть, мучаясь от боли до утра, тоже не хотелось. Он вспомнил, что где-то читал: при зубной боли в лесу надо взять немного сосновой смолы и положить на больной зуб и боль успокоится, а утром фельдшер даст таблетку или настой для полоскания, но если боль не утихнет, то могут свозить в город к зубному врачу – так уже было с одной девочкой и она вернулась радостная, но без большого зуба, который выдержули.

Недалеко от их корпуса, у забора, росла большая сосна вся покрытая потеками смолы и Илья, не одеваясь, в одних трусах, решил сходить к этой сосне и попробовать народное средство от зубной боли.

Выйдя из корпуса, он огляделся. Стояла тихая и звездная ночь. Почти полная луна освещала лагерь и его окрестности своим бледным светом.

Илья медленно пошел босыми ногами к заветной сосне, чтобы отщипнуть кусочек смолы и, положив его на зуб, вернуться в палату и спокойно уснуть.

Вдруг, на полпути к сосне, он услышал какие-то тихие стоны. Осторожно, стараясь не хрустнуть веточкой, мальчик приблизился к кустам и взглянул в сторону странных звуков. Увиденное ошеломило Илью так, что он сразу забыл о зубной боли. Прямо под сосной, на одеяле лежала вожатая Лена с бесстыдно оголенными ногами, а на ней был физрук Андрей, который мерно двигался, как бы стараясь втиснуть Лену в землю, от чего она тихо постанывала, обнимая и целуя физрука.

Илья знал, конечно, об отношениях взрослых из книг и дворовых разговоров мальчишек и, начав взрослеть этим летом, именно так он в мечтах видел себя вместе с вожатой Леной. Лагерные собаки и кролики, что проживали в живом уголке, иногда на глазах у ребят тоже занимались этим делом; тогда девочки смущенно отводили глаза, а мальчишки громко и принужденно смеялись при виде собачьей свадьбы или упражнений кроликов. Теперь, у него на глазах, этим самым занималась и Лена, но занималась с другим, взрослым мужчиной, разбив вдребезги его мальчишеские мечты.

Зависть к физруку и ревность к вожатой Лене завладели чувствами мальчика, зубная боль прошла, и Илья тихо вернулся в свою палату, думая как отомстить этим двоим, что оставались лежать под сосной, занимаясь любовью, как об этом пишут в книгах. По малолетству, ничего путного ему в голову не приходило и Илья решил написать донос, чтобы все в лагере знали правду, как он считал, о вожатой и физруке. Найдя в тумбочке листок бумаги и карандаш, он, печатными буквами, чтобы не узнали по почерку, написал:

«Физрук и вожатая Лена по ночам занимаются ... – тут он задумался, как ему назвать увиденное: слова приходили на ум ругательные и грубые, а других он ещё не знал, и после недолгих размышлений Илья добавил «прелюбодеянием» – это слово было длинное и веское, как молоток для забивания гвоздей.

Одевшись, Илья прошел в административный корпус и подсунул листок под дверь директорского кабинета, чтобы утром директор увидел это сообщение и своей властью наказал физрука и вожатую за плохое поведение. Почему поведение юноши и девушки плохое Илья не знал, но раз ему это не понравилось, значит – плохое и всё.

Совершив гнусность, Илья вернулся в лагерь и, улегшись на кровать и немного поворочавшись, понял, что написал от обиды донос, которому нет оправдания. Он встал, чтобы поправить дело и вытащить свой листок из-под двери, но тут в коридоре послышались шаги – это Лена возвратилась в свою комнату и теперь мимо не проскользнуть незаметно. Поняв, что исправить поступок свой не удастся, Илья снова лег и скоро уснул, надеясь, что утром всё как-нибудь образуется.

Утром жизнь в лагере началась по обычному распорядку. После завтрака Лена предложила сходить на реку и искупаться на прощание, потому что прогноз погоды на завтра обещал дожди и похолодание.

Отряд не успел выйти из лагеря, как подбежал мальчик из соседнего отряда и сказал, что Лену вызывает к себе директор лагеря. Лена попросила ребят заняться чем-нибудь на территории, пока она не вернется, и пошла к директору. Илья, почуяв, что его донос начал действовать, украдкой пошел следом за вожатой и встал под открытым окном директорского кабинета, надеясь услышать происходящее.

– Вот Лена, я получил донос о ваших отношениях с Андреем, о которых я давно уже догадывался. И директор подал листок Лене, которая, прочитав донос, покраснела и заплакала, по-девичьи, навзрыд.

– Нечего теперь плакать: слезами горю не поможешь. Сейчас придет Андрей, и будем решать, что с вами делать дальше. Этот листок был подсунут мне под дверь, и написал его какой-то подлый мальчик, которому вы Лена, видимо, нравились, и он написал это от обиды. Хуже всего, что донос этот обнаружила уборщица тетя Маша, утром протирая полы. У неё язык, что помело и когда я пришел к себе в кабинет уже все знали о ваших отношениях.

Тут в кабинет директора зашел физрук и директор продолжил: – Тот подлец, что написал этот донос тоже, наверное, рассказал другим и скоро все ребята будут шептаться за вашей спиной и скажут родителям, поэтому вам: Андрей и Лена следует немедленно покинуть лагерь – может всё утихнет, хотя вряд ли – завтра воскресенье, некоторые родители приедут навестить своих детей и ваша связь непременно получит огласку.

Андрей возмутился, увидев слезы Лены: – Мы осенью собираемся пожениться с Леной, и я не вижу ничего дурного, если жених и невеста живут вместе до брака.

– Вы не видите, а другие увидят в вашей связи распушенность и меня ещё обвинят, что я покрываю ваш разврат. Неужели нельзя было быть осторожнее или повременить до брака, а теперь будьте любезны расхлебывать кашу, которую заварили.

Пишите заявления о своем увольнении по семейным обстоятельствам, я их подпишу и скажу всему персоналу, что вы уезжаете организовывать свою свадьбу, чтобы успеть Андрею до начала учебного года в институте. Надеюсь, Андрей сказал правду о ваших отношениях и будущем браке и это не простая интрижка, не так-ли Андрей?

Физрук помялся немного, но, увидев, что у Лены снова наворачиваются слезы решительно сказал: – пусть будет по-вашему, товарищ директор. Сейчас же уедем и сразу подадим заявление в ЗАГС. Я Лену люблю, и свое слово сдержу – иначе какой же я мужчина!

Пойдем Лена писать заявления и собираться в нашу семейную жизнь – коль поступил такой донос. На подлое дело надо отвечать честным поступком и, как говорится: «не было бы счастья, да несчастье помогло».

Лена сразу успокоилась и молодые люди, взявшись за руки, пошли собирать вещи, а директор сказал вслух: Я бы и сам рядом с такой девушкой, как Лена, не удержался бы от соблазна. Пусть у них всё сложится в дальнейшей жизни, а я здесь как-нибудь замну эту сплетню, благо, что лагерь через неделю закрывается. Найти бы этого мальчишку – подлеца и объяснить ему всю низость его доноса. Теперь не сталинские времена, чтобы писать доносы на хороших людей – так и скажу в РайОНО, если старые ханжи будут упрекать меня в том, что недосмотрел за молодыми.

Директор подошел к окну, и захлопнул его, едва не увидев Илью, который вжался в стенку и потом бочком, бочком убежал к своим ребятам, сгрудившимся у своего корпуса в ожидании вожатой.

Из корпуса вышла Лена с чемоданом и сказала, как научил директор, что срочно уезжает домой, чтобы выйти замуж за Андрея до начала его учебы в институте. Девушка улыбалась, став невестой, о чем ещё вчера не смела и мечтать: Андрей оказался не только привлекательным и сильным юношей, которому она отдалась без раздумий, но и честным благородным мужчиной, не оставив в беде соблазненную им девушку.

У ворот лагеря к Лене присоединился физрук и они, взявшись за руки, пошли рядом по тропинке к автодороге, надеясь там перехватить попутную машину и вернуться в город улаживать свои свадебные дела.

Так Илья получил урок на всю жизнь, что свои неудачи и обиды нельзя исправлять за счет других подлыми поступками, какой совершил он, написав донос на девушку, которая невиновна, что понравилась ему, подростку, ещё не вступившему во взрослую жизнь, вызвав в мальчишке чувство первой любви.

Больше Илья никогда не видел эту Лену и не слышал ничего о ней, но навсегда сохранил образ этой юной и привлекательной девушки в своей памяти.

III

Сонное оцепенение ушло, воспоминания о пионерском лагере пропали, будто их и не было вовсе, и Илья Николаевич очнувшись, взглянул на часы и обнаружил, что отдыхал на своём диване не более десяти минут, хотя и вспомнил, в подробностях, почти месяц минувшей подростковой жизни.

Страхнув остатки дремы, Илья Николаевич, по привычке, резко вскочил с дивана, но голова закружилась, и он вынужден был присесть, чтобы не упасть на пол. Пенсионер постоянно забывал, что тело перестало его слушаться, и привычки, обретенные в прошлой здоровой жизни, надо менять сообразно возрасту и возможностям дряхлеющего организма.

– Действительно, «трагедия старости не в том, что тело дряхлеет, а в том, что душа остается молодой», вспомнил Илья Николаевич и убедился в очередной раз. Он припомнил, как в прошлом году, сосед по дому, старше его лет на пять, по привычке, забыв о возрасте, кинулся бежать к автобусу, подошедшему к остановке, успел войти в автобус, прежде чем закрылись двери, сел на свободное место и тотчас умер от остановки сердца, о чём всем и рассказала жена Галина, севшая на этой же остановке.

Выждав минуту и успокоив сердцебиение, Илья Николаевич, осторожно, как и следовало мужчине его возраста, встал с дивана, оделся для улицы и вышел из дома, чтобы прикупить чего-нибудь съестного, с утра пораньше, пока воскресные посетители супермаркетов ещё отсыплются после трудовой недели.

– Поспешай медленно, – ещё раз напомнил себе Илья Николаевич, выйдя из подъезда на яркое солнце двора, наполненного шумом, гарью и визгом проезжающих по улице автомобилей, которые, видимо никогда уже не освободят улицы, дороги и дворы от своего, постоянно множившегося присутствия.

Автомобилизацию страны Илья Николаевич, как технический человек, считал разновидностью сумасшествия: при крайне низких зарплатах тратить последние средства на приобретение автомобиля, зачастую залезая в долговую кабалу к банкам, чтобы ездить на работу и с работы – это подлинное безумие. Достаточно подсчитать во что обходится вождение автомобилей и каждый километр пути его проезда, чтобы убедиться в его затратности и ненужности, но люди с маниакальной настойчивостью все приобретают и приобретают автомобили из ложного понятия престижности.

Ладно, в деревне, если есть деньги, автомобиль позволяет совершать дальние поездки, но в городе, где имеется общественный транспорт, дающий возможность попасть в любое место быстрее и дешевле, чем на личном автомобиле, люди всё равно выбирают автомобиль.

Жена Галина постоянно пилила Илью Николаевича за то, что он не взял, лет десять назад, кредит в банке и не купил авто, чтобы ездить на дачу. Он тогда удержал напор жены и не поддался, чему был теперь чрезвычайно рад, не имея долгов перед банком, а жена приловчилась ездить на дачу в электричке, презируя мужа за никчемность, к чему он привык за долгие годы бессмысленной совместной жизни с этой чужой женщиной, так и не ставшей ему близким человеком.

Вот и сейчас, проходя двором к ближайшему магазину, что находился за углом на противоположной стороне улицы, Илья Николаевич, заметил соседа по подъезду, который усаживался в автомобиль, видимо направляясь куда-то в деловую поездку. Свернув за угол и перейдя улицу, Илья Николаевич уже взялся за дверную ручку, чтобы войти внутрь магазина и, обернувшись, увидел автомобиль соседа, который въезжал на стоянку перед магазином.

– Опять я раньше дошел пешком, чем он доехал сюда на авто, – беззлобно подумал Илья Николаевич и, приоткрыв дверь, вошел внутрь торгового заведения, под названием супермаркет «Пятерочка».

Суэта торгового заведения окружила его со всех сторон: здесь царил единый бог – нажива и алчность в двух лицах, как римский двуликий бог Янус. Наживы жаждал владелец торгового заведения, а товаров, разложенных по полкам и стеллажам, алкали покупатели, бродившие по обширному залу, присматриваясь к ярким упаковкам, как бы кричащим беззвучно: купи меня, купи меня!

Некоторые посетители, поддавшись этим призывно манящим наклейкам, упаковкам и этикеткам, машинально брали в руки совершенно ненужные им упаковки, разглядывали их и клали в корзины, совершенно забыв о том, что пришли в этот магазин за другими продуктами.

Как говорят американцы, изобретатели торговой рекламы: реклама – это двигатель торговли и этот двигатель работал на всю свою мощь в торговом зале продуктового магазина, высасывая деньги из карманов доверчивых посетителей, так и не научившихся сдерживать свои желания и ограничиваться покупкой только тех товаров, что необходимы сейчас и сегодня.

Особенно такой несдержанностью отличались пожилые люди возраста Ильи Николаевича. Он тоже, иногда, не мог удержаться и покупал ненужный продукт, поддавшись яркой упаковке, и сожалея потом о напрасно потраченных деньгах, которых и без этих трат едва хватало на скромную жизнь пожилого человека, давно утратившего увлеченность едой и признающего вместо разнообразности вкусов лишь полезность или вредность продукта.

Илья Николаевич быстрым шагом миновал стеллажи с товарами, которые ему сегодня были не нужны, положил в корзину продукты, за которыми он и совершил этот поход в магазин, а именно: пакет кефира, батон хлеба, упаковку яиц и кусочек сыра и также быстро, не останавливаясь на призывы ярких упаковок, направился к кассе, чтобы оплатить покупки.

Конечно, ему требовалось и ещё кое-что для пропитания, но покупку следующей партии продуктов он отложил на следующий день: такое правило Илья Николаевич установил для себя, чтобы была причина выйти из дома – иначе можно было стать полным отшельником и жить на диване у телевизора безвылазно от одного суточного дежурства у ворот автостоянки до другого – через трое суток на четвертые.

У кассы стояли три покупателя, поочередно выкладывая из тележки набранные продукты. Илья Николаевич не уставал удивляться: чем можно загрузить целую тележку – ведь несмотря на обширность магазина и обилие товаров на полках, стеллажах и в холодильниках выбор продуктов был весьма ограничен. Убожество видов товаров компенсировалось ассортиментом: колбас одинакового вкуса и качества были десятки наименований, поскольку каждый производитель выпускал продукт под своим наименованием, а то, что этот продукт по вкусовым качествам не отличается от ему подобных, – это производителя и продавца не интересует: главное продать и получить прибыль, а уж как покупатель будет выбирать товар, не зная вкуса – это его трудности.

Илья Николаевич и сам много раз попадал в эту ловушку: присмотрит например сосиски в привлекательной упаковке и приемлемой цене, а на вкус они окажутся такими же, что и купленные ранее, а то и значительно хуже.

Это вторая трудность покупателя в супермаркете: как не прогадать со вкусом и качеством продукта – ведь даже один и тот же товар того же производителя может разительно отличаться по вкусу не имея устойчивого качества. Такие товары-дублиеры и суррогаты заполняли полки этого и других подобных магазинов, создавая иллюзию товарного изобилия: когда ассортимент широк, а фактического выбора нет, и качество никак не гарантируется.

Помнится, при советской власти всё было иначе: видов той же колбасы вареной и сырокопченой было лишь три-пять наименований, но хорошего качества, по разумной цене, и можно было купить продукт именно того вкуса, что хотелось, а качество обеспечивалось ГОСТами и, например, докторская колбаса была одинакового качества, что в Москве, что во Владивостоке. Так же было и с другими продуктами: другое дело, что не всегда эти продукты

были в продаже, но так случилось лишь тогда, когда к власти пришел Горбачев с группой предателей.

Но, как говорят нынешние правители России, которых Илья Николаевич называл простым словом – либерасты, рыночная экономика всё расставит по своим местам, и она действительно всё расставила, поставив на первое место прибыль и личную выгоду производителя и продавца, не защищая никак интересы потребителя, хотя и есть, кажется, закон о защите прав потребителя.

От этих размышлений о товарном изобилии и их качестве, Илью Николаевича отвлекла небольшая заминка у кассы. Ветхая старушка никак не могла набрать нужную сумму для оплаты покупок и, высыпав мелочь из кошелька, отсчитывала монеты постоянно путаясь и сбиваясь, пока кассирша, истощив терпение, не принялась помогать ей, высыпав все монеты на кассовый стол и ловко отсчитав мелочь – пока не набралась нужная сумма – около ста рублей.

– Прости уж меня, дочка за то, что крупных денег у меня нет: пенсия будет только через два дня и это всё, что у меня осталось. Подняли опять плату за квартиру, продукты тоже подорожали, а пенсия у меня маленькая – всего семь тысяч рублей – я ведь живу в Подмосковье и у нас пенсии маленькие, не то, что в Москве.

Здесь я оказалась после кладбища, где навестила могилки матери и мужа. Вот и решила зайти в магазин, чтобы потом автобусом уехать к себе, а денег-то и не оказалось. Спасибо, что помогла мне наскрести мелочи и не обиделась на меня, старую. Видно и я скоро навещу маму на том свете – одной-то жить на этом свете у меня уже мочи нет. Старик мой два года как помер и часто снится мне и зовет к себе – вот я и навестила их и успокоилась.

Прости, дочка, ещё раз за бедность мою, в которой я оказалась при нынешней власти на старости лет и дай бог тебе муженька доброго, каким был мой старик в молодости – закончила старушка свою исповедь, собрала со стола остатки своей мелочи, положила в авоську пакет кефира, батон хлеба и творожный сырок, что купила в магазине, и пошла нетвердой походкой престарелой женщины к выходу, что-то беззвучно выговаривая усохшими губами.

Илья Николаевич тоже рассчитался за покупки и вышел из магазина на простор солнечной улицы, размышляя, что и он, если даст бог, тоже с годами превратится в дряхлого старика, наподобие той старушки, которая задержалась в этой жизни, осталась одинокой, и теперь стремится туда, в неведомое, где уже упокоились и её родители и её муж, по словам старухи – добрый.

– Возможно, и моя Галка, когда я уйду в мир иной, тоже будет говорить людям, что я был ей хорошим мужем, хотя всю жизнь нашу совместную хаёт меня за никчемность, что я так и остался простым человеком, не выбился в начальники и не обогатился в нынешние времена – подумал Илья Николаевич провожая взглядом старушку, которая с трудом входила в автобус на соседней остановке.

– Как же бабуся будет расплачиваться за проезд, если денег у неё вовсе нет, а проезд со вчерашнего дня стал по Москве платным для иногородних пенсионеров? Он остановился, ожидая отъезда автобуса со старушкой, но автобус, дернувшись, остановился, дверь передняя открылась и та самая старушка медленно вышла из него, а автобус захлопнул дверь и двинулся по своему маршруту.

– Вот негодяй-шофер, не пропустил старуху внутрь автобуса и высапил её, безденежную, на тротуар в чужом городе, – вознегодовал Илья Николаевич и направился к старушке, чтобы дать ей денег на проезд, но тут подошел другой автобус, старуха зашла в него и автобус уехал, увозя старую женщину доживать в одиночестве в каком-то городке Подмосковья, а Илья Николаевич направился к своему дому, мысленно похваливая себя за душевный порыв оказать помощь старой женщине.

– Потому я, Галя, и не стал денежным человеком в наше скотское время, что остаюсь добрым к людям и никогда не жил по принципу: «Или всех грызи, или живи в грязи». Это тебе,

моя женушка, всегда чего-то не хватало, а я прожил свою жизнь достойно и сожалею лишь о том, что связался с такой женщиной, как ты, – продолжал Илья Николаевич свою вечную, мысленную перепалку со своей женой Галиной, которой, наверное, икалось от его мыслей там, на даче, где проживала летом эта женщина, называвшаяся его женой.

Поход в магазин благополучно завершился, других дел по хозяйству сегодня не предполагалось, а потому Илья Николаевич, разобрав покупки, снова прилег на диван, включил телевизор и стал размышлять, как ему провести этот именинный день своей жизни.

– Можно прогуляться до канала и посидеть на берегу, глядя на проплывающие суда и мечтая о дальних путешествиях, в которых никогда не был, – лениво размышлял он под бубнение телевизора – который напомнил Илье Николаевичу, что сегодня не только день Ильи-пророка и его, Ильи, именины, но и день Воздушно-десантных войск, а значит, будет праздничное гуляние бывших десантников, которое частенько заканчивалось крепкой пьянкой отставников в парках и скверах столицы.

– Может и мне, к вечеру, тоже немного выпить водочки? – подумалось имениннику, в то время, как на экране телевизора показывали десантников, которые, оголившись до тельняшек и трусов, с разбега плюхались в фонтаны на улицах столицы демократической России – Москвы.

– А что, выйду с бутылочкой на берег канала имени Москвы, посижу на травке, выпью в честь своих именин и Ильи-пророка, и этих десантников и потом спокойно пойду спать, благо, что впереди ещё целая неделя отпуска, – строил он планы на сегодняшний день, как раздался звонок в дверь.

– Кого это, нелегкая принесла? – удивился Илья Николаевич, – неужто жена прикатила с дачи, по случаю моих именин? Тогда святой день потерян будет! Сначала поздравит, потом пошлет в магазин за чем-нибудь, чего ей не хватает для приготовления обеда, а потом, после обеда, вспомнит какую-то мелочь из нашей прошлой жизни и снова будет корить меня, что я, неудачник, загубил ей жизнь и ничего-то хорошего от меня она не видела.

Лучше бы она вышла замуж за парня, что ухаживал за ней в школе, а она польстилась, дура на Илью и тем сгубила свою жизнь, потому что тот парень – Женя, выбился в люди, владеет несколькими магазинами, имеет особняк и дорогую машину, о чём она несколько лет назад узнала от одноклассников и весьма расстроилась.

На эти воспоминания, Илья Николаевич всегда отвечал жене одинаково: – Тот парень и выбился в богатые, потому что не женился на тебе. А женился бы, и ничего у него не получилось бы тоже, поскольку ты, Галина, и его бы заела поедом. Потому ты, женушка и осталась у разбитого корыта, как старуха из сказки Пушкина, что любого своего мужа: хоть меня, хоть того бы парня, Женю, своей сварливостью лишаешь способности и стремления к совершению полезных дел, из которых и складывается карьера всякого мужчины.

Илья Николаевич встал с дивана и открыл дверь: на пороге стоял сосед Василий, тоже пенсионер, но с большими ногами, которые не позволяли ему выходить из квартиры и он, безвылазно сидел дома, смотря телевизор или наблюдая с застекленного балкона за уличной суетой и жизнью соседей. Одной рукой Василий опирался на палку, а другой прижимал к груди шахматную доску: они, по-соседски, частенько играли в шашки, – вот и сейчас сосед принес их, чтобы игрой отвлечься от повседневного безделья и серых мыслей.

– Я из окна видел, что ты, Николаич, ходил в магазин и решил зайти, чтобы сгонять несколько партий в шашки – если ты, конечно не против, – пояснил Василий свое появление у двери и вопросительно глядя на Илью Николаевича в ожидании ответа.

Настроения играть в шашки в это солнечное утро у Ильи Николаевича не было: этой игрой хорошо коротать время в непогоду и вечером, когда за окнами шумит дождь или воев вьюга, а ты сидишь удобно за шашками, обдумываешь нехитрые ходы и ведешь неспешную беседу с партнером по игре и пенсионной жизни на любые пришедшие в голову темы.

Сейчас, с утра, играть в шашки не хотелось, но он согласился, чтобы не обидеть соседа, который и так сидел в своей квартире, будто узник, приговоренный к пожизненному заключению.

Дом, в котором они проживали по-соседски, был кирпичный, заводской постройки, в хорошем состоянии, но пятиэтажный и без лифта – поэтому Василий, ослабев ногами, и не мог самостоятельно выбраться с четвертого этажа на улицу. Его жена Мария: грузная старуха, тоже еле-еле ходила и не могла оказать помощи Василию, а детей у них не образовалось по неизвестной причине.

Василий всю жизнь свою, простоял за фрезерным станком, дотянул до пенсионного возраста, прекратил работу и года через два спокойной жизни почти обезножил, едва передвигаясь по своей однокомнатной квартире, не в состоянии осилить лестницу, чтобы выйти на улицу, но в состоянии дойти до соседа.

Вспомнив эти обстоятельства, Илья Николаевич не стал обижать Василия своим отказом и пригласил пройти в комнату, чему сосед искренне обрадовался.

– Моя Машка с утра пошла в церковь, чтобы помолиться: сам знаешь, что наши бабы вдруг на старости лет стали набожными. Ты тоже один проживаешь, сегодня у тебя именины, у меня и бутылочка по такому случаю нашлась, вот и подумалось навестить соседа, посидеть рядком и поговорить ладком, – обрадованно пояснил Василий свой визит, проходя в комнату Илья Николаевича и доставая бутылку водки из кармана брюк.

Выпивать с утра Илье Николаевичу не хотелось, но и обижать соседа отказом тоже, и он, усадив Василия на свой диван, прошел на кухню, собрал нехитрую закуску: нарезал свежих огурцов, помидоров, колбасы и хлеба и выложил всё на тарелки, потом соорудил столик из двух табуреток, которые прихватил с кухни, поставив их у дивана и разложил закуску на этот столик – праздничный утренний фуршет был готов.

Василий тем временем расставил шашки на доске, которую примостил на диван и ожидал хозяина, чтобы выпив по рюмке водки начать игру в шашки, которую чрезвычайно уважал, пристрастившись к ней за долгие годы работы на заводе в обеденный перерыв: в их механическом цеху в обед практиковались две игры: шашки и домино и, выбрав единожды шашки, Василий оставался верен этой игре – за обеденный перерыв можно было сгонять несколько партий на вылет, когда победитель продолжал игру, а проигравший присоединялся к зрителям.

Илья Николаевич не очень жаловал игру в шашки, но за неимением другого партнера уступал просьбам соседа и в свободное от присутствия жены время охотно проводил турнир из трех или пяти партий на определение победителя: по силам соседи были игроками равного качества, побеждали поочередно, в зависимости от настроения, что сохраняло интерес к игре и совместному общению за доской, обсуждая насущные житейские и мировые проблемы – как это принято у русских людей.

Василий, на правах гостя, пришедшего с выпивкой, налил водки в стаканчики и, поздравив Илью Николаевича с днем именин, осушил стаканчик одним глотком – не дожидаясь именинника. Илья Николаевич неторопливо выцедил стаканчик водки сквозь зубы, закусил огурчиком и, сделав первый ход на шашечной доске, заметил:

– Это жены наши придумали снова отмечать день именин, про который при советской власти все забыли, ибо поминание святых всяких и соответственно именин своих никто не практиковал, и по телевизору не указывалось.

– Твоя правда, Николаич, жили мы прежде без именин и неплохо жили – лучше, чем сейчас: с церквями, банками, биржами и прочими заведениями по одурманиванию людей и выманиванию денег, – поддержал Василий соседа, делая ответный ход без раздумий, чем и хороша шашечная игра в самом начале партии.

Илья Николаевич тоже двинул свою шашку вперед и, развивая тему, продолжил: – Сейчас по телевизору показывают всякую чертовщину, попы на экране крутятся, так что скоро не

только свои именины научимся праздновать и всех святых поминать, но и хлеб покупать по предсказаниям потомственных колдуний и разных прорицателей, что вещают о конце света с экрана телевизора.

Да и патриарх этот – Кирилл, что с лукавой усмешкой говорит о единении православных вокруг нынешних правителей России, раньше был главным от церкви по торговле спиртным и сигаретами: его так и называли – герцог Мальборо, а теперь стал главным во всей русской православной церкви и обнимается с нынешними мелкотравчатыми министрами и прочей нечистью, именующей себя демократической властью.

– Твоя правда, Николаич, – снова отвечал Василий, делая свой ход на шашечной доске и наливая водки в опустевшие стаканчики. – Давай выпьем просто за наше здоровье и ну их всех к черту: власть эту и маклеров-дилеров всяких, и банки еврейские, и жизнь нынешнюю нашу пенсионерскую – здоровья если нет, то ничего уже и не нужно!

Ты вот, Николаич, на своих двоих топаешь, а я простоял сорок лет у станка, сработался весь, обезножил от стоячей работы и ползаю теперь по квартире с палкой, словно змей безногий. Поэтому, Николаич, живи и радуйся каждый день, что здоров и на ногах, своих двоих, твердо держись, а нечисть всякая, я надеюсь, будет сметена народом, когда все поймут, что так жить нельзя.

Это ведь мы с тобой, и такие как мы, тогда в 91-ом году позволили Горбачеву и Ельцину – двум предателям, разрушить нашу страну и загнать всех нас в эту нынешнюю нашу жизнь. Ладно, мы старые сейчас, скоро доскрипим до гробовой доски, но молодых жалко: не видели они спокойной и беззаботной жизни и вряд ли увидят в ближайшем будущем.

Я из окна смотрю, как молодежь мается от безделья: пьет, дерется и наркотой травится и горько на душе становится – как же мы профукали, словно в шашки, свое народное государство и поддались вражьи посулам на лучшую жизнь, как в Европе.

Откуда ей взяться – этой хорошей жизни, если заводы останавливают и сносят, а вместо них открывают торговые заведения. Одной торговлей страна, любая, прожить не сможет, надо что-то и производить. Завод, наш с тобой Николаич, я считаю, тоже скоро снесут и построят на его месте какой-нибудь бордель и будут там торгаши гулять и плясать на фундаментах наших цехов, где мы с тобой проработали всю жизнь.

Работали честно, за деньгами особо не рвались, но и не бедствовали, и завод о нас заботу проявлял: квартиры эти нам бесплатно выдали, путевки в санатории всякие – бери не хочу, да и зарплата достойная была, не чета нынешним работягам.

Сейчас торгаши и мошенники всякие жируют и бесятся от денег шальных, а народ-то бедствует и перебивается с хлеба на воду. По телевизору нам вещают, что все хорошо «прекрасная маркиза» и замечательно идут дела под руководством президента, который из-под пьяницы и предателя Ельцина выскочил пятнадцать лет назад, словно черт из табакерки.

– Что-то ты, Василий, совсем захандрил и чтобы взбодрить тебя, я съем эту шашечку, – отвечал Илья Николаевич на слова соседа.

– Ах, ты, черт, за разговором и профукал я шашечку, – огорчился Василий и, сделав свой ход, предложил выпить за здоровье, что Илья Николаевич охотно поддержал. Стопка водки его взбодрила, впереди был ещё целый именной день, да и партию в шашки он выигрывал через несколько ходов, что добавляло ему оптимизма.

Действительно, первую партию в шашки он выиграл. Василий, огорченно перевернул доску, снова расставил шашки, налил водки, и игра завязалась вновь.

– Ладно, Василий, хватит жалиться и корить себя за наше несмышление в смутное время четверть века назад. Мы-то в Москве живем, как у Христа за пазухой, а за кольцевой дорогой люди совсем бедствуют, но не унывают – затеял Илья Николаевич новый разговор под новую партию в шашки и рассказал об истории с бедной старухой, свидетелем которой он был утром в магазине.

Василий оживился: – Действительно, нас москвичей немного подкармливают здесь, чтобы не возбуждались при виде несправедливой жизни нынешних богачей, которые из грязи, да в князи. Да и живем мы с тобой, Николаич, при женах, а не в одиночку, как та старуха.

Думаю, что жены наши нас переживут и будут в одиночестве коротать свой век. У тебя Галина может пристроиться при дочери, а моя Машка, точно, будет жить подобно той старухе и московские субсидии ей не помогут. Есть у неё, правда, одинокая сестра где-то в Твери, можно съехаться с ней и жить вместе, но вряд ли моя Машка с кем-то ужиться сможет.

Старуха уже, а всё пилит и пилит меня, что так и остался рабочим, и детей мол у нас нет по моей вине, и жизнь свою она загубила выйдя за меня замуж и прочее и прочее.

– Слушаю я тебя, Василий, и других своих знакомых о семейной жизни и такое впечатление, что все мы живем с одной женщиной: одинаковыми словами обвиняют нас наши жены в своей неудачной семейной жизни и сожалеют о том, что вышли замуж за нас. Помнится ещё баснописец Крылов говорил про мартышку: «Чем на других сердиться, не лучше ль на себя кума оборотиться».

– Точно ты подметил, Николаич, – подхватил Василий эту мысль, делая удачный ход и наливая водки только себе, поскольку Илья Николаевич отказался от дальнейшего употребления водки, сославшись на некие дела, что предстояли ему к вечеру, хотя никаких дел у него не было: просто, если он выпивал больше трех рюмок у него потом начинала болеть голова, а ему не хотелось провести этот день с больной головой.

– Как знаешь, хозяин-барин, – прокомментировал Василий отказ соседа от дальнейшей выпивки, заглотив очередную порцию водки. – У меня после водки ноги начинают двигаться живее и ломота в костях пропадает, – поделился он своими наблюдениями за своим здоровьем и ловким ходом выиграл вторую партию, расстроив немного именинника.

Решающую третью партию Илья Николаевич начал играть сосредоточенно, на что Василий затеял разговор о политике, чтобы отвлечь соседа и этим выиграть партию.

– Скажи, Николаич, что ты думаешь о международном положении нашей страны? – Спросил Василий, делая очередной ход, – помнишь, как в молодости к нам на завод, прямо в цеха, приезжал лектор и читал в обеденный перерыв лекции о международном положении?

По телевизору талдычат, что всё прекрасно, правители наши молодцы и умницы, санкции нам никакие не страшны, но Машка моя сегодня утром тоже ходила в магазин и говорит, что опять многие продукты подорожали, хотя никакого повышения пенсий и зарплат не было. Зимой, когда повышали пенсию, торгаши сразу повысили цены, а сейчас тихой сапой без всяких оснований повышают цены, объясняя нам, что доллар дорожает постоянно, после присоединения Крыма к России, и раздоры, по этой причине, с Европой и Америкой.

– Понимаешь Василий, они нам Крыма не простят и не забудут никогда, а правители наши нарочно рубль опускают вниз, чтобы доллары за нефть менять на рубли дороже и тем самым сводить бюджет с концами и платить нам пенсии дешевыми рублями.

Я сегодня тоже был в магазине и взял пакет кефира, который подорожал за три дня сразу на пять рублей. Почему наш кефир дорожает, если наши коровы едят наши корма и их доят наши бабы? Это чистой воды спекуляция, на которую власть не обращает внимания, потому что сама замешана в этом деле: ворон ворону глаз не выклюет – говорит русская пословица.

С Крымом, я считаю, вообще дурость невообразимую проявили нынешние правители, которые ничего не умеют, но воображают себя государственными деятелями.

Крым, конечно должен быть русским, но хохлы, как и другие государства бывшего СССР, никогда не отдадут того, что им попало в руки при советской власти, которая не могла предполагать разгром СССР из-за предателей типа Горбачева. Ельцин как-то проговорился, что когда оформлял с другими предателями развал СССР, то если бы потребовал, хохлы отдали бы не только Крым, но и Донбасс и Одессу, что им подарил Ленин при образовании СССР.

Когда у хохлов началась в прошлом году заваруха, Крым проголосовал за выход из Украины и за присоединение к России. Конечно, их надо было поддержать и защитить от хохлов, но нельзя было сразу принимать в Россию, что Запад расценил как оккупацию. Пусть бы Крым оставался самостоятельным государством под нашей защитой, как например Абхазия или Осетия, а после можно было и присоединить, когда всё успокоится. Но президент и его свита решили вывернуться, вот и получили по сусалам и Донбасс предали.

Как говорил Талейран, министр иностранных дел при Наполеоне: «Это хуже чем преступление – это ошибка». После санкций заговорили о восстановлении промышленности, а как её восстанавливать, если на месте заводов понастроили казино, бордели и прочие заведения, чтобы не было больших заводов, не было рабочего класса, который снова, как в семнадцатом году, изгнал бы буржуев и проходимцев и взял власть в свои руки, а предателей и ренегатов распределили по лагерям, чтобы своим трудом помогали восстанавливать страну.

Такие вот дела, Василий. Как говорят хохлы: «Паны дерутся, а у холопов чубы трещат»». Думаю я, что впереди ещё много пакостных дел наделают наши правители: посмотришь на их рожи по телевизору и ясно становится, что им по плечу любая глупость и любое недомыслие.

Вот и ты, Василий, за разговором просмотрел комбинацию: я сейчас отдаю тебе шашку, потом рублю три твоих и прохожу в дамки, и тебе остается только сдаться – закончил Илья Николаевич свои рассуждения о политике и выиграл третью партию, а с ней вместе и сегодняшней турнир по шашкам с соседом Василием.

Сосед засопел, налил водки, выпил, и ничуть не огорчившись проигрышем, зашаркал старческой походкой в свою квартиру, забрав недопитую бутылку водки с собой и пожелав ещё раз, на прощание, здоровья Илье Николаевичу в связи с его именинами.

Проводив соседа, Илья Николаевич прилег на диван, решая, что ему делать дальше в день своего тезоименитства, как называл царь Николай Второй свои именины. Выпитая водка расслабила тело и душу, и ему вспомнился приезд в Москву в такой же солнечный августовский день сорок пять лет назад.

IV

Окончив среднюю школу, Илья не смог поступить в институт по причине перелома стопы ноги, который он получил, неудачно спрыгнув с обрыва, спускаясь к реке вместе с друзьями, чтобы искупаться в жаркий июльский день. С загипсованной ногой в другой город не поедешь, а поступать в местный институт, чтобы быть учителем Илья не захотел, несмотря на уговоры родителей.

В августе гипс с ноги сняли и Илья смог ходить с палочкой, прихрамывая на правую ногу, но сроки поступления в институт уже прошли: в те годы можно было поступать лишь в один институт и везде вступительные экзамены начинались с первого августа, поэтому, не поступив в один институт, повторить попытку можно было только через год.

Илья, в отличие от родителей, которые хотели видеть своего сына образованным человеком, ничуть не переживал за институт: в семнадцать лет всё кажется прекрасным, впереди целая жизнь и можно успеть исполнить все свои желания, в том числе и учебу в институте.

Илью тогда больше огорчал перелом ноги: он опасался, что хромота останется на всю жизнь и помешает ему выбрать девушку по душе – какая захочет встречаться с хромым парнем, опирающимся на палку? Девушки уже интересовали его больше, чем какие-то институты и Илья усиленно тренировал сломанную ногу, чтобы избавиться от хромоты и палки, в чём к осени почти преуспел.

На семейном совете решили, что Илья пойдет работать на тот же завод, где трудился отец, получит специальность, зимой будет ходить на подготовительные курсы, а следующим летом попытается поступить в институт по своему выбору.

Илья оформился на курсы ученика токаря при заводском профессионально-техническом училище, к Новому году закончил эти курсы, получил удостоверение токаря второго разряда и приступил к работе в механическом цеху машиностроительного завода. За пару месяцев он вполне освоился за станком, но поскольку отличался добросовестностью в работе, настойчивостью, и не лодырничал, как некоторые его сверстники, то стал выполнять норму и не гнал брака, что обеспечивало приличную зарплату в двести рублей и более.

Наступила весна и юноша Илья, имея свободное время после работы и хорошие карманные деньги, поскольку всю зарплату тратил на себя, отдался весеннему половодью чувств, прикнув к компании таких же молодых ребят, не обремененных житейскими заботами.

Закончив смену, они собирались у заводской проходной и, не заходя домой, устремлялись компанией в кино, на концерт заезжих артистов или в молодежное кафе, где можно было познакомиться с такими же свободными от забот девушками, которых тоже будоражил весенний дурман.

Вскоре у Ильи образовалась подружка Настя, которая была на год старше, уже познала мужскую ласку, не скрывала этого, и сама выбрала Илью для продолжения плотской утехы молодому девичьему телу.

Настя жила в заводском общежитии, куда поселилась, приехав из деревни, и поступив на работу. В комнате проживала ещё одна девушка Лена, которая на выходные частенько уезжала домой, так что Настя оставалась хозяйкой комнаты на целых два дня, чем она умело пользовалась.

Они познакомились в клубе на танцевальном вечере, куда Илья пришел со своей компанией молодых ребят, а Настя была в такой же компании девушек. Нашлись общие знакомые и две компании объединились в одну, причем Настя сама пригласила Илью на дамский танец. Вообще девушки в этом возрасте гораздо смелее и находчивее ребят и Настя мгновенно завладела сердцем Ильи, понравившись ему девичьей статью и веселым беззаботным характером.

Через пару вечеров знакомства Настя пригласила Илью к себе в общежитие. Соседки не оказалось на месте и после двух бокалов шампанского, которое принес Илья, девушка отдалась ему среди бела дня на узкой девичьей кровати, ничуть не стесняясь своей наготы и света.

Илья, не имевший опыта интимных отношений, неумело овладел Настей: чувство близости с девушкой ошеломило и поглотило его всего, он мгновенно достиг оргазма, но не успокоился и продолжал неумоимо владеть девушкой, снова и снова достигая высшей степени блаженства и ощущая ответные её бурные излияния, стоны и судорожные объятия.

С того раза плотские утехы полностью захватили его и Настю и при каждом удобном случае они уединялись в её комнате и занимались без усталости любовными движениями до полного опустошения чувств.

Пару раз Илья приводил Настю к себе домой, когда родители уезжали на выходные к своим знакомым, а однажды даже привел Настю в гости и познакомил её с родителями, полагая, что в будущем он женится на этой девушке и введет в свой родительский дом.

Как и большинство его сверстников того времени, Илья искренне считал, что близость с девушкой предполагает в дальнейшем вступление с нею в брак и лишь осознание того факта, что Настя имела такие же отношения с кем-то до него останавливало юношу от опрометчивого решения, да и Настя никогда не упоминала о женитьбе на ней.

Матери Ильи девушка не понравилась: веселая, беззаботная, старше сына на целый год и не любит Илью, а лишь забавляется с ним, что подсказал ей материнский инстинкт. Мать так и сказала Илье после того знакомства с Настей:

– Не пара она тебе, сынок, чересчур смелая и разбитная, не любит тебя, а только пользуется, и будет крутить тобой по своему желанию, потакая своим прихотям. Да и рано тебе Илюша о женитьбе думать – учиться надо дальше сынок: мы хотим, чтобы ты был образованный – сейчас есть для этого все условия.

– Зачем, мама, мне учиться в институте, – возразил тогда Илья, – зарплата у меня в два раза больше, чем у инженеров в нашем цеху. В начальники я не стремлюсь, рабочим в нашей стране почет и уважение, какой смысл в учебе?

Мать не нашлась, что ответить сыну, но отец нашел достойные слова: – Учиться, сынок, надо тебе, чтобы уважить родителей, а потом, когда станешь образованным человеком, то и сам поймешь, что дело не в зарплате и в должностях, но в уважении, которое ты будешь испытывать сам к себе и от окружающих.

На этом знакомство Насти с родителями закончилось, а их бурный роман продолжался не оставляя Илье времени и сил на подготовку к поступлению в институт. Прошла весна, настало лето, привязанность Ильи к девушке Насте лишь возрастала, тогда, как Настю такие постоянные отношения уже немного начинали тяготить, вызывая желание побыть с подругами и друзьями-ребятами, а не проводить всё свободное время в постели с этим приятным, но скучным своим постоянством юношей, замуж за которого она не собиралась выходить.

Ей грезился принц на белом коне или тот, первый в её женской жизни парень, который был на пять лет старше и овладел ею смело и решительно, не слушая возражений, чего Илья никогда бы не добился от неё по слабости характера. Парня того, посадили за драку на два года, и этим летом он должен был выйти на свободу и встретиться с ней, о чем написал письмом на адрес общежития.

Однажды, в июле месяце, Илья пришел в субботу к Насте в общежитие, чтобы удовлетворить свои и Настины интимные желания, а после сходить на реку искупаться и посетить городской парк, где летними вечерами работала танцплощадка.

Вахтерша привычно пропустила Илью, который уже примелькался здесь за последние месяцы. Дневные посещения женского общежития лицами мужского пола разрешались днем без всяких ограничений и до десяти часов вечера, когда полагалось покинуть девушек, чтобы не повредить их девичьей чести.

Илья толкнул дверь Настиной комнаты, взглянул и замер от увиденного. Настя лежала на своей кровати обнаженная, в привычной позе лягушки – если её перевернуть брюшком вверх. Над девушкой трудился голый мужчина весь в татуировках, ноги и спину которого покрывала густая шерсть, словно обезьяну. Настя вскрикнула, увидев Илью, который от этого крика машинально прикрыл дверь, оставшись стоять в неподвижности.

Через минуту дверь открылась и в коридор вышла Настя в одном халатике, накинутом на голое тело: этот халатик Илья любил снимать с неё сам, добираясь до её заветных местечек.

Настя испуганно прикрыла дверь и шепотком сказала: – Я не ожидала, что ты придешь так рано, а позже хотела тебе сказать, что это мой первый мужчина, он сидел в тюрьме, сейчас освобожден, я его люблю и хочу быть с ним. Он пришел сегодня утром и взял меня сразу, а потом побил немного за измену с тобой, о чем ему сказала вахтерша.

Видишь у меня синяк под глазом? – и девушка показала Илье ссадину на лице. – Павел настоящий мужчина, а мы, девушки, хотим не только получать удовольствие от мужской ласки, но и подчиняться мужчине. Ты, Илья, ещё мальчик и не понимаешь женской радости подчиняться грубой мужской силе и грубому обращению самца с самкой, как я видела в зоопарке у обезьян.

Уходи и не появляйся здесь больше, а то Павел изуродует тебя и снова загремит в тюрьму. Тебя я никогда не любила, а лишь баловалась, но вот пришел мой мужчина, и баловство кончилось. Уходи, – повторила Настя, скрылась за дверью, и Илья услышал, как она заперла дверь изнутри.

Юноша вышел из общежития и присел на скамейку. Именно сегодня, Илья хотел сделать Насте предложение выйти за него замуж и вот он застаёт свою избранницу в неглиже под заросшим шерстью самцом – как она ему только что призналась. От обиды он чуть не заплакал,

но скоро успокоился, пошел домой, лег на диван и пролежал неподвижно до самой ночи, даже не выйдя на призыв матери к ужину, сославшись на отсутствие аппетита.

Поздней ночью Илья решил уехать в Москву, устроиться на работу, поселиться в общежитие и начать самостоятельную мужскую жизнь, подальше от Насти, обвинившей его в отсутствии мужских качеств и променявшей порядочного Илью на уголовника, когда-то соблаздившего Настю и оставшегося для неё навсегда идеалом мужской силы.

В те времена устроиться на работу в Москве можно было, лишь получив временную прописку в общежитии. Лимит и такое разрешение имели многие столичные заводы, на которых не хватало рабочих рук.

Утром Илья сообщил родителям о своем решении, пояснив, что в Москве он продолжит свою учебу и научиться жить по-взрослому, а не под родительской опекой. Отец, побряхтел недовольно, но дал сыну согласие на эксперимент, пояснив матери, что до Москвы недалеко, всего 400 километров и сын сможет их навещать по праздникам, а не заладится у него столичная жизнь, так всегда есть возможность вернуться назад.

Мать всплакнула немного, но тоже противиться не стала, держа в памяти визит Насти и справедливо полагая, что сын поссорился с ней и теперь убегает от этой женщины, которая не понравилась ей с первого взгляда.

– Пусть уедет подальше от этой девки, успокоится, помыкается в чужом городе, а там, глядишь, и назад вернется, – думала мать, поглаживая сына по волосам и замирая при мысли от предстоящей разлуки со своим единственным дитем, которого она продолжала считать мальчиком, несмотря на то, что Илья был выше матери на целую голову.

В понедельник, утром, Илья написал заявление на увольнение, сказав мастеру, что едет поступать в институт, хотя сроки уже прошли, и мастер Тимофеич, – как его звали рабочие, почесав затылок, подписал заявление без обязательства отработки Ильей двух недель, что полагались по закону.

В три дня Илья уволился с работы, собрал чемодан вещей и все свои документы и в четверг утром, попрощавшись с родителями, сел в поезд, который повез его в Москву.

Уезжал он не один: по соседству жил знакомый парень, который ещё в прошлом году уехал в Москву и устроился там на работу. Он как раз был в отпуске, неделю назад Илья имел с ним разговор, парень по имени Никита живописал Илье столичную жизнь и когда тот решил уехать, то Никита взялся ему помочь с трудоустройством на свой завод, где он работал слесарем. Вот вместе с этим Никитой юноша Илья и поехал покорять Москву.

Через шесть часов пути поезд высадил друзей на Белорусском вокзале, откуда юноши на метро и трамваем добрались до общежития Никиты, где Илья намеревался проживать, пока не устроится на работу.

– Я живу вдвоем с товарищем, – объяснил Никита, – тот сейчас в отпуске и его кровать свободна, главное, чтобы комендант общежития не заартачилась, но думаю, что мы её убедим коробкой конфет и бутылкой сладкого вина, до которого она большая охотница.

Так все и получилось и, переночевав, впервые в жизни, на чужой кровати в незнакомом городе, Илья вместе с Никитой утром пошел устраиваться на работу.

Никита объяснил, что в Москве иногородних на работу не берут, но рабочих не хватает, и многие заводы имеют лимит на прописку рабочих в свои общежития и, проработав пять лет, можно от завода получить комнату, а затем, если женишься и пойдут дети – то завод даёт и квартиру – если ты хорошо работаешь. – Многие так стали москвичами, надеюсь, и нам повезет, – закончил Никита свои объяснения Илье, когда они подошли к заводской проходной.

Прямо у проходной на стене заводууправления висел большой железный щит, на котором объявлялось, что заводу требуются рабочие многих специальностей и иногородним предоставляется общежитие.

– Видишь, навечно здесь повесили это объявление, так что иди в отдел кадров, что над проходной и оформляйся на работу и в общежитие, – напутствовал Никита своего земляка, – а я здесь тебя подожду и с ребятами знакомыми переговорю. Просись в двадцатый цех: я там слесарем, а ты будешь токарем и ребята там хорошие подобрались – почти все иногородние.

С этими напутствиями Илья и пошел устраиваться на работу на столичном машзаводе, который, как ему шепнул Никита, делает в основном оборонную продукцию – поэтому и зарплата здесь выше, чем у соседей.

В отделе кадров его принял инспектор по кадрам, просмотрел документы о квалификации, трудовую книжку и характеристику с места работы и, сказав, что станочники очень нужны, поинтересовался: – Почему вы, Илья Николаевич, уехали из дома сюда в Москву: за длинным рублем погнались или за приключениями столичными?

– Нет, я хочу учиться в институте по машиностроению, а там, на родине таких институтов нет, – немного лукавив, ответил Илья, покраснев от удовольствия, что его впервые в жизни назвали по имени-отчеству.

– Ну что же, это похвальное стремление к учебе, – одобрил инспектор пожелание Ильи. – Кстати, прямо у проходной в здании на площади, есть машиностроительный техникум и там же филиал машиностроительного заочного института с вечерним обучением. Если выдержите испытательный срок и будете приняты на завод, сможете учиться в этом институте, сдав вступительные экзамены. Учились вы в основном на 4 и 5, хотя есть и троечки в вашем аттестате зрелости.

Кстати, почему вы не комсомолец? Может баптист какой, и будете нам молебны устраивать в цеху?

– Так получилось, что когда весь класс принимали в комсомол, я приболел, а потом никто не предлагал, а я не настаивал, – ответил Илья, – и никакой не баптист и родители мои тоже в церковь не ходят.

– Ладно, это не важно, – заметил инспектор, – главное чтобы работал хорошо, а в душу лезть не наше дело. Может, на заводе вступишь в комсомол, у нас здесь сильная организация.

Оформлять я буду вас с испытательным сроком в две недели: у нас здесь станки новые, каких, вы Илья, у себя на заводе не видели и сможете ли работать на них большой вопрос. Направление в общежитие мы выпишем с сегодняшнего дня, а с понедельника сможете приступить к работе.

Обрадованный Илья пошел устраиваться в общежитие, а инспектор принялся готовить документы о зачислении Ильи на работу токарем в 20-й цех, как и просил юноша.

В общежитии комендант устроила Илью на свободное место, сказав, что когда юноша освоится на новом месте и заведет друзей, можно будет выбрать соседа по приятельству.

В выходные дни Илья ездил по Москве, знакомился с городом, в котором никогда не был и где собирался жить и работать ближайшие годы, а возможно и навсегда.

В понедельник Илья получил временный пропуск на завод и приступил к работе, которая ничем не отличалась от его прежней деятельности, только станки были новейшие с автоматикой, которую ему предстояло освоить с помощью специалистов, наладчиков и других мастеров токарного дела.

За две недели испытательного срока Илья зарекомендовал себя положительно и был зачислен на постоянную работу, став полноправным москвичом. Он успел зайти в заочный институт, сдать документы и экзамены, и через месяц был зачислен в число студентов – заочников с вечерним обучением в здании, рядом с проходной.

Всё, о чем мечтал Илья, сбылось, и он написал письмо родителям, чтобы обрадовать и их своей удачей. За суетой и устройством дел Илья почти не вспоминал о Насте, а по прошествии времени и вовсе забыл об этой девушке, которой совсем недавно готов был сделать предложение.

Когда московская жизнь Ильи совсем наладилась, вдруг пришла повестка из военкомата на комиссию для призыва в армию. Илья расстроился: ему не время было идти в армию на два года, когда он только-только начал самостоятельную жизнь.

По совету соседа по общежитию Саши, который оказался на три года старше Ильи и, отслужив в армии, не стал возвращаться в свой поселок, а решил попытать счастья в столице, Илья купил себе трость, взял выписку из истории болезни, как он сломал ногу в прошлом году и пошел на комиссию в военкомат, чтобы уклониться от службы в армии, как его научили товарищи.

Врач сразу обратил внимание на трость, опираясь на которую Илья, прихрамывая, пришел на медкомиссию. Выслушав объяснения Ильи, что у него был сложный перелом ступни ноги и с тех пор он не может долго ходить и нога начинает болеть, врач посмотрел справки, пощупал и помял ногу и дал заключение, что с такой ногой Илья не годен к военной службе в мирное время и ограниченно годен в военное время, если таковое когда-нибудь наступит. По этому врачебному заключению, Илья через неделю получил военный билет, освобождавший его от службы в армии раз и навсегда и, вздохнув свободно полной грудью, принялся постигать азы столичной жизни.

Собственно говоря, распорядок его действий определился работой и учебой: пять дней в неделю он работал на заводе по восемь часов в смену, три вечера занимала учеба в институте со вторника по четверг, и лишь оставшееся время можно было назвать свободным и заниматься личной жизнью и досугом, который не слишком уж отличался от того времяпрепровождения, что было в его родном городе.

Утром Илья вставал в 6.30, шел в туалет, который был в конце коридора, поскольку общежитие было старое, коридорного типа, пятиэтажное, и туалет с умывальником и душем были в одном конце коридора, а кухня с газовыми плитами в другом.

Посетив туалет и умывшись, Илья решал как быть с завтраком: попить чаю с бутербродами в своей комнате вместе с соседом Сашей, или пойти на завод и там перекусить в буфете перед сменой, выбрав завтрак из меню, а именно: каша рисовая, или овсяная на молоке, сметана, творог, яйцо вареное или глазунья, сосиски горячие с винегретом, пирожки с мясом, повидлом, булочки свежие, кофе, чай, какао, иногда бывали котлеты, шницель, студень и даже борщ, если эти блюда оставались от вчерашнего обеда в заводской столовой. Сытный завтрак обходился ему в 50-60 копеек, что при зарплате за двести рублей, казалось почти даром, и не надо было мыть за собой посуду – если с соседом решали завтракать в своей комнате.

До заводской проходной было две остановки на трамвае или десять минут пешего хода и Илья обычно прогуливался, если позволяло время, чтобы размяться перед предстоящей рабочей сменой у станка, где он должен был оказаться за десять минут до начала работы, чтобы успеть получить дневное задание от мастера и подготовить станок к работе.

Он числился токарем-универсалом и делал простые, но разные детали, что требовало перенастройки станка и смены инструмента, а соответственно и зарплата его была несколько ниже, чем у станочников, постоянно изготавливающих серийные типовые детали, что обеспечивало хорошую выработку и большую зарплату.

Илья уже мечтал перейти на серийную продукцию, но для этого ему надо было повысить квалификацию, набить руку и заслужить доверие мастера Степаныча, который не особенно жаловал молодых лимитчиков, прибывших в Москву за приключениями и при первой же возможности менявших тяжелую работу станочника на более легкую, – пусть и менее оплачиваемую.

В 8 утра начиналась смена, и необходимо было включить станок, чтобы показать мастеру и другим начальникам, что ты приступил к работе, даже если и продолжаешь подбор инструмента и заготовок для обработки деталей, согласно заданию.

Илья не курил, потому не пользовался положенными минутами для перекура, и работал без остановки, прерываясь лишь по необходимости посетить туалет или попить газировки из аппарата, установленного возле курилки, где собирались, в основном, пожилые станочники и слесаря и обсуждали новости или случаи из жизни, немало не заботясь о том, что их рабочие места пустуют.

Этих рабочих мастера называли «золотой фонд» и прощали им длительные перекуры, поскольку по просьбе мастера они могли быстро изготовить необходимые для плана детали или устранить брак, допущенный кем-либо из молодежи. Руки у них действительно были золотые, и они могли исправить почти любую сложную деталь, кроме грубого брака. Илья тоже прибегал к услугам этих профессионалов, если допускал, по недосмотру или второпях, брак в своей работе.

В полдень в цеху наступала полная тишина – это был перерыв на обед и шуметь никому не позволялось, даже если кто-то и хотел использовать обеденный перерыв для продолжения своей работы.

Рабочие мыли руки и расходились кто куда: кто сразу за столы для отдыха, чтобы забить партию в домино или шашки, и лишь в конце обеденного перерыва сбегать в столовую, или перекусить на скорую руку, здесь в цеху, прихваченными из дому бутербродами, а кто-то торопился в столовую, чтобы быстро пообедать и потом сменить игроков и спокойно доиграть до конца перерыва. Илья следовал второму пути и быстренько бежал в столовую: его молодой организм требовал питания после четырех часов почти непрерывной работы у станка.

Столовая примыкала к цеху, обед по цехам сдвигали на пятнадцать минут, чтобы не создавать толкучки и Илья, выбрав самостоятельно блюда двигаясь с подносом вдоль раздаточных полок, и расплатившись у кассы, быстро управлялся с обедом, присев за свободный столик. Пообедав и отдав поднос и посуду в мойку, он спешил из столовой в цех, чтобы присоединиться к игрокам, отчаянно сражавшимся за столами в домино и шашки, или, если игра затягивалась, подбадривая работяг со своего участка в качестве зрителя.

К домино, старые рабочие молодежь не подпускали, говоря, что они уже играли здесь до войны, с которой вернулись немногие, и поэтому пусть молодые заслужат место за столом своей хорошей работой, а пока потренируются в шашки. Именно тогда Илья и приохотился к шашечной игре, чем и пользовался теперь сосед Василий, предлагая сыграть несколько партий в шашки уже пенсионеру Илье Николаевичу.

Игра проходила на вылет: проигравший освобождал место и более уже не подпускался к шашечной доске, но и выигравшему не разрешалось играть более трех партий подряд, чтобы всем желающим можно было успеть сгонять партию за обеденный перерыв.

Игра в домино и шашки сопровождалась возгласами и прибаутками игроков и зрителей и обеденный перерыв проходил весело и быстро, пока в цеху не включалась пневматическая система, подающая по шлангам сжатый воздух на ручные инструменты, и цех не наполнялся вновь шипением сжатого воздуха, что означало конец обеда и продолжение рабочей смены, оканчивающейся в пять часов вечера.

Закончив смену, Илья сдавал изготовленные детали мастеру ОТК – так именовался отдел технического контроля, подписывал у своего мастера Степаныча сменное задание, если его выполнил, что означало прибавку к расценкам за изготовление деталей до 40%, ну а если выполнить задание не удавалось, то приходилось довольствоваться расценками по тарифу. Потом он сдавал наряд табельщице Наде – маленькой невзрачной девушке, тоже работавшей по лимиту и надеявшейся найти жениха-москвича, чтобы не работать в шумном цеху. После табельщицы Илья убирал свой станок от стружки и масла, потому что сменщика у него не было, а если бы был сменщик, станок можно было передать, как он есть, без уборки.

Сменщика у Ильи не было, поскольку он, как учащийся вечернего института, всегда работал в первую смену, вызывая недовольство мастера, но так было положено по закону: учащи-

еся-вечерники всегда работали в первую смену, чтобы не пропускать занятия и ещё им давалось сорок дней учебного оплачиваемого отпуска в год, для подготовки и сдачи экзаменов – так власть советская заботилась о повышении квалификации трудящейся молодежи.

Хочешь учиться – пожалуйста, открыты все пути для работающего человека, а не хочешь учиться – дело твое, но работать где-то все равно обязан, ибо есть статья в уголовном кодексе о наказании за тунеядство, и всякий здоровый совершеннолетний человек должен работать, чтобы не причислили к тунеядцам, которым становится любой, неработающий более трех месяцев подряд.

Закончив дела в цеху, Илья шел в раздевалку, к которой примыкала и душевая комната. Он принимал горячий душ, снимая грязь и усталость, переодевался в свою одежду и торопился в институт на занятия, которые начинались ровно в шесть вечера. Идти было недалеко – метров сто от проходной и Илья всегда успевал вовремя, иногда умудряясь и перекусить в техникумовском буфете булочкой с чаем, сосиской или бутербродом с сыром. Буфет работал до семи вечера, и после первого урока можно было утолить голод, если не успевал перед занятиями.

Буфетчица, как её звали ученики – тетя Маша: грузная женщина лет сорока, с несколькими золотыми кольцами на сосископодобных пальцах обеих рук, ловко и быстро обслуживала студентов-вечерников, так же, как днем управлялась с учениками техникума.

Видимо буфет давал ей неплохой доход, и потому буфетчица была приветлива с посетителями, не забывая, однако, обсчитать каждого на две-три копейки, что все знали, но не придавали значения: какая разница заплатить за ужин сорок семь копеек или пятьдесят, при зарботке двести и более рублей в месяц? А если кто-то дотошный и уличал тетю Машу в обчете, то она всегда ссылалась на отсутствие мелочи для сдачи и предлагала зайти завтра и получить свои недостающие три копейки, – тем дело и заканчивалось.

Отбыв четыре или пять часов занятий, которые Илья по привычке называл уроками, он возвращался в общежитие вместе с несколькими товарищами по учебе, обычно пешком, чтобы прогуляться перед сном за длинный рабочий и учебный день.

Иногда они заходили в трамвайный парк, где работал ночной буфет, и можно было съесть удивительно вкусную сардельку с винегретом и запить её сладким чаем с пирожком с повидлом. Такое отклонение от пути к общежитию занимало минут двадцать, и к половине двенадцатого Илья уже заходил в свою комнату и, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить спящего соседа, ложился спать с сознанием хорошо выполненной работы и добросовестной учебы, на которую он обрек себя сам, и чтобы угодить родителям, желающим увидеть сына закончившим институт.

Сосед Саша не уставал удивляться учебе Ильи. – Зачем учиться, если, став инженером, ты будешь получать зарплату меньше, чем сейчас? – искренне недоумевал он. – Лучше заведи себе девушку из москвичек и занимайся ею, чем просиживать вечера в институте!

– Успею ещё, какие мои годы! – отнекивался Илья на упреки соседа по комнате. – Учеба еще никому не помешала и знания тоже никому и никогда не навредили. Окончу институт и тогда решу, что делать: оставаться у станка, пока ноги держат и большая зарплата, или уходить в инженеры, где зарплата поменьше, но работа почище, да и девушки больше заглядываются на инженеров, чем на рабочих парней, – на том разговор об учебе и заканчивался.

В свободные от занятий вечера, Илья читал учебники, выполнял задания и на личную жизнь оставались только выходные дни.

Сосед Саша на выходные дни обычно уезжал к своей девушке, которая была москвичкой, но жила отдельно от родителей, имея комнату в коммунальной квартире, которая досталась ей от умершей бабушки.

Оставаясь один, Илья в субботу отсыпался часов до десяти утра, потом организовывал себе завтрак: обычно из нескольких яиц, поджаренных на сковородке вместе с колбасой или грудинкой, и бутерброда с чаем. Готовить более существенный и разнообразный завтрак ему

не хотелось, да и не из чего: продуктов про запас в их комнате не водилось, ввиду отсутствия холодильника, и кое-какую провизию удавалось сохранить в сетке, вывешиваемой из форточки на улицу, если не было морозов, которые, несмотря на конец ноября, всё ещё не наступали.

Позавтракав, Илья снова ложился на свою кровать и смотрел телевизор, который купил Саша, ещё до поселения Ильи в эту комнату, и разрешал соседу пользоваться в его отсутствие.

Пролежав в бездельи до обеда, Илья, иногда шел в ближайшую столовую, чтобы полноценно и без хлопот пообедать с кружкой пива, но чаще варил себе пачкупельменей, которую оставлял на хранение у соседей, имевших холодильник в комнате: общежитие обеспечивало только проживание, замену белья и кое-какую мебель, а всё остальное рабочие покупали сами из своей зарплаты – если считали покупку необходимой и были деньги, но и стоило общежитие всего два рубля в месяц.

Илья покупку холодильника, телевизора и других вещей, применяемых в быту, ещё не считал необходимой, да и денег на такие покупки пока не находилось: с начала надо обусться-одеться по столичным меркам, а уже после заниматься устройством быта.

Из своей зарплаты в двести рублей Илья тратил на пропитание и проживание третью часть, а остальные деньги, что заработал за три месяца своего пребывания в Москве, потратил на покупку костюма, пальто, туфель, зимних ботинок и всякие необходимые для работы и учебы мелкие вещи.

Отобедав, Илья проводил остаток субботнего дня у телевизора, отдыхая после недели работы и учебы, или же присоединялся к компании соседей, чтобы пойти в кинотеатр, попить там пива и посмотреть новый фильм и тем закончить выходной день.

Два или три раза соседи заманивали Илью посетить дом культуры автомобильного завода «ЗИЛ», где по субботам проводились танцевальные вечера для молодежи.

Илья, в новом костюме, впервые посетил эти танцы вскоре после устройства на работу в сентябре месяце, когда стояло бабье лето, и даже по ночам было тепло, как летом. Танцы проводились в фойе дома культуры и, взяв входные билеты по полтиннику, группа рабочих из общежития вошла в зал, где уже играл духовой оркестр и пары танцевали кто как умел.

Ребята тотчас выбрали себе девушек, которые стайками и поодиночке стояли вдоль стен и у колонн, и смешались с танцующими, а Илья, тоже встал у стены, присматриваясь к окружающим его девицам.

По всему было видно, что присутствующие здесь молодые и не очень девицы и парни отнюдь не москвичи, а, вероятно, такие же, как и он, приезжие в Москву провинциалы, пожалавшие себе удачи и блеска столичной жизни. Осмотревшись немного, Илья наугад пригласил девушку из стайки, сгрудившейся неподалеку, на медленный фокстрот, позволяющий прижать девушку к себе и заговорить с ней, чего не позволяли сделать быстрые танцы и вальсы.

Девушка, однако, заговорила первой: спросив Илью как он здесь оказался и, услышав, что он работает на заводе и пришел сюда с товарищами по общежитию, тотчас утратила к нему интерес и, закончив танец, присоединилась к подругам, а когда Илья пригласил её снова, отказала, сказав, что больше не танцует.

Илья был немного удивлен таким поведением девушки, но товарищи подсказали, что сюда съезжаются парни и девушки со всех концов Москвы и Подмосковья, такие же как и они сами, жители общежитий, в надежде встретить здесь москвичей с постоянной пропиской и жильем и, если повезет, вступить в брак или, на худой конец, в любовную длительную связь, имея возможность уединиться, а не прятаться в комнатах общежитий.

– Смотри Илья, – сказал ему сосед из комнаты напротив, – видишь здесь много одиноких девушек, которые стоят у колонн или стен зала поодаль от оркестра, – это, скорее всего, москвички, обеспеченные жильем – они пришли сюда не для танцев, а для знакомства с понравившимся парнем, чтобы завязать отношения.

Девчата, что держатся группами – это такие же, как и мы, они приехали из общежитий развеяться и такие как мы им неинтересны. Хочешь просто пофлиртовать – выбирай девушку из группы, а если хочется интимных отношений, то выбирай одинокую девушку: здесь есть девчата на любой вкус и на любые отношения, главное не промахнуться – тогда получишь желаемое.

Я, поначалу, тоже выбирал приглянувшуюся девушку из группки и иногда уезжал, провожая её за пятьдесят километров от Москвы в какой-нибудь Звенигород или Электросталь. Там, посидев с ней до утра на садовой скамейке и нацеловавшись досыта, я с первой электричкой возвращался к нам в общежитие, и никогда больше не встречался с этой новой знакомой, потому что слишком далеко она живет и в общежитии. А вот на одиноких мне пару раз везло и я после танцев провожал девушку до собственной комнаты и ночевал у неё: потом, встречаясь некоторое время, пока девушка не понимала, что оформлять наши отношения браком я не собираюсь.

После советов соседа Илья стал внимательнее всматриваться в присутствующих девушек и, действительно, заметил несколько одиноких девиц, скромно стоявших за спинами танцующих, но эти женщины были значительно старше его, по внешнему виду невзрачные, и потому он, по окончании танцевального вечера, поехал домой вместе с соседями по общежитию, не досчитав двух или трех своих товарищей, которым повезло больше, и они поехали провожать приглянувшихся девушек в надежде на любовные приключения.

Ещё дважды Илья посещал танцы в ДК «ЗИЛ», но также безрезультатно, как и в первый раз. Потом началась учеба, а напряженная работа и учение не вызвали пока желания завести любовные отношения с девушкой, так как времени на любовь не оставалось вовсе.

Зато посещение кино в субботний вечер не требовало ни усилий, ни много времени и, сговорившись с соседями, Илья посещал кинотеатр: они пили пиво перед сеансом, потом смотрели фильм едва дотерпев до конца из-за позывов в туалет и выскочив из кинозала и облегчившись, они возвращались в общежитие, обсуждая по дороге просмотренный кинофильм.

Такой жизни незаметно мелькнуло полгода, и после однодневного праздника Нового года Илья оформил учебный отпуск в институте и засел за учебники, чтобы сдать экзамены достойно и тем обрадовать родителей, желающих видеть своего сына образованным человеком, которому не придется стоять всю трудовую жизнь у станка и верстака, что почетно и денежно в советской стране, но трудно и утомительно с возрастом.

Воспоминания Ильи Николаевича о начале своей столичной жизни прервал звонок в дверь.

– Наверное, сосед Василий снова напрашивается на совместную выпивку за шашечной доской – подумал Илья Николаевич и пошел открывать дверь, за которой, к его удивлению, оказалась жена Галина.

V

Приход жены Ильи Николаевич встретил неприязненно, отвыкнув за лето от свар и склоки, что приносила с собой эта женщина, последние годы, при каждом своем появлении в их общей квартире летом, и проживая здесь постоянно зимой.

– Могла бы и сама дверь открыть, есть же ключи, – высказал он совет жене, на что мгновенно получил возражение-осуждение от Галины:

– Ключи я забыла взять, торопясь на электричку, а тебе полезно оторваться от любимого дивана и прогуляться до двери, небось, пролежни уже появились от лежания перед телевизором, так скоро и ходить разучишься, как наш сосед Василий.

Илья Николаевич, ничего не ответив, прошел в свою комнату и прикрыл дверь, которая мгновения спустя, открылась усилиями жены Галины.

– Я старалась, ехала сюда, чтобы поздравить мужа с именинами, а ты, не сказав доброго слова, запираешься в своей комнате, словно отшельник. Хотя бы для приличия сказал пару слов своей жене, с которой прожил сорок лет – так ты даже и на это неспособен. Как же я ошиблась, когда выходила за тебя замуж – думала, что ты станешь верным мужем и добьешься успехов в карьере, но ты как был ни кем, так им и остался.

Единственно чему научился, так потихоньку изменять своей жене с такими же, как сам, ничтожными женщинами. Небось, и сегодня договорился с какой-нибудь потаскушкой отметить вместе свои именины, – закончила Галина обличительную речь и внимательно осмотрела комнату мужа ища взглядом следы присутствия здесь женщины, но даже её великолепное зрение таких следов не обнаружило, и, сделав обиженное лицо, Галина вышла из комнаты мужа и начала с остервенением перемывать посуду на кухне, громко приговаривая так, чтобы слышал муж:

– Всё покрылось грязью, словно посуда никогда не мылась. Наверное, ест как собака и тарелки за собой не моет. Хоть заставил бы своих потаскух убираться в квартире, но они, наверное, такие же никчемные грязнули, как и он. Послал мне бог муженька: ни к чему не годен и ни к чему не стремится.

Илья Николаевич слушал восклицания жены, доносившиеся из кухни, не стараясь возразить или оправдаться, зная, что этим лишь вновь распалит Галину на ссору.

У его жены были две постоянные темы для разговоров: никчемность Ильи Николаевича, который, не сделав карьеры, так и остался на всю жизнь простым инженером и подозрения в его изменах в её отсутствие на даче.

Как и всякая женщина, утратившая с возрастом свою привлекательность и пережившая период увядания, она считала искренне, что муж только и занимается тем, что ищет себе падших женщин и развлекается с ними при любом удобном случае, хотя и знала, что такие развлечения требуют денег, которых у её мужа никогда не было в достатке, что тоже всегда вызывало приступы раздражения у Галины.

Но знать и осознавать для неё были не связанные между собой понятия и потому, жена постоянно пыталась уличить мужа в прелюбодеянии, чтобы окончательно убедить себя в его непригодности для семейной жизни.

Вот и сейчас, занимаясь на кухне мытьем посуды, Галина громко обвиняла мужа, перечисляя его недостатки:

– Другие мужчины при смене власти обогатились и семьи свои обеспечили достатком, а ты продолжал работать на своем гребаном заводе простым инженеришкой со смешной зарплатой, в то время, как другие набивали себе карманы деньгами шальными. Сосед наш по подъезду, армянин со второго этажа, открыл торговую палатку, потом другую, купил квартиру, машину и дочь обеспечил, а наша дочка мыкается в комнатухе одна и никакой помощи от отца ей нет и не будет.

Илья Николаевич хотел возразить жене, что он помог дочери купить комнату, продав родительскую квартиру, доставшуюся ему по наследству, когда дочь профукала свою квартиру за долги, что оказались у неё из-за воровства компаньона, с которым она занималась туристическим бизнесом.

И сосед-армянин, как только разбогател, то сразу бросил свою пожилую жену и женился на молоденькой хищнице, которая переехала с этим армянином на новую квартиру, а старая жена осталась в старой квартире и сейчас спивается от одиночества, ибо ни дочь, ни бывший муж-армянин не желают знать с этой опустившейся женщиной.

Всё это Илья Николаевич хотел прокричать своей жене, не вставая со своего дивана, но вовремя опомнился, зная по опыту, что ещё ни единого раза ему не удавалось убедить жену в чем-либо, а осознание ею своей неправоты лишь вызывало у неё новый взрыв обвинений в адрес мужа и дополнительное раздражение.

Закончив мытьё посуды, и убедившись, что холодильник почти пуст, Галина вновь вошла в комнату мужа и предложила ему сходить в магазин и прикупить хотя бы торт для чаепития по случаю именин.

– Не собираюсь я отмечать свои именины, – возразил Илья Николаевич, – если ты хочешь, то сама и сходи в магазин.

– Может мне совсем уйти из дома и уехать на дачу, чтобы ты смог привести сюда гулящую девку и поразвлечься с ней: я же старая для тебя, чтобы заниматься любовными делами, – вновь вскипела жена на отказ Ильи Николаевича сходить в магазин.

– Вон сосед Василий, хоть и с большими ногами, но женой своей не брезгует, ублажает иногда – она сама мне об этом говорила, а ведь Василий одного с тобой возраста и жена его, Мария, мне ровесница.

– Вот и иди к Василию за мужской ласкою: он за бутылку водки приласкает тебе причинное место, а я возражать не буду – не удержался Илья Николаевич на упреки жены. – Или найми какого-нибудь чурка: он за тысячу рублей и траву на даче скосит и тебя ублажит. Им, азиатам, всё равно, что женщина, что коза. Как говорили у нас в цеху; «оприходовать девчонку – это может каждый шкет, а ты попробуй старушонку от шестидесяти лет».

От таких предложений, жена Галина взорвалась злобой: – Я всегда знала, что ты спишь и видишь, как бы избавиться от меня, но чтобы предложить мне сожительство с соседом или узбеком каким – такого я не ожидала. Зря я приехала отмечать твои именины – ты здесь совсем умом тронулся в одиночестве, коль предложил жене завести любовника. Я с тобой свою молодость загубила и прожила в нищете всю жизнь, чтобы на старости лет услышать эти твои пожелания насчет связи с узбеками. Хорош муженек, нечего сказать! Так и знала, что мой приезд сюда закончится перебранкой.

– Если знала, то зачем ехала? – удивился Илья Николаевич. – Могла бы по телефону позвонить и поздравить меня с именинами, а не мотаться по электричкам. В твоём возрасте о встрече с богом, к которому ты ходишь на поклоны в церковь, думать надо, а ты о греховодстве думаешь и меня же в этом упрекаешь. Тебе скандал был нужен – вот ты за этим скандалом сюда и приехала без предупреждения и нарочно ключи не взяла, чтобы не застав меня дома, потом обвинить меня в том, что день провела в ожидании, пока я, по твоим словам, шастаю по девицам.

– Всё, нет больше моего терпения слушать оскорбления в свой адрес от бывшего мужа, и я уезжаю назад на дачу, – вскинулась Галина. Там котенок приболудился: его покормишь, погладишь и он отзывается, а тебя сколько ни корми, ответной ласки никогда не дождешься, – закончила жена свои поздравления имениннику и, подхватив свою сумку, вышла из квартиры, громко хлопнув дверью.

Илья Николаевич после ухода жены встал, прошел на кухню, открыл шкафчик с лекарствами, накапал в чашку по 30 капель валерьянки, пустырника и корвалола, добавил воды и выпил эту успокоительную смесь, чтобы снять напряжение от этого визита, и снова прилег на диван, постепенно расслабляясь.

– Галина назвала меня бывшим мужем, что соответствует действительности, но продолжает устраивать скандалы, словно в далекой молодости. Какую же глупость я совершил, женившись на этой женщине без любви и взаимности, а лишь по необходимости узаконить рождение дочери в браке, – размышлял он, вспоминая обстоятельства прошлого времени, что связали его с этой грузной, неряшливой и сварливой женщиной, в которую незаметно, но быстро превратилась бойкая и сметливая девчонка, каковой она была во времена их знакомства.

Познакомился он с Галиной на шестом году проживания в столице, возвращаясь летом от родителей из отпуска. Был месяц август, возможно Ильин день, – точную дату знакомства Илья Николаевич не помнил, да и не заслуживал этот день такой точности.

Он сел вечером в проходящий поезд, простившись с родителями и своими дворовыми друзьями, с которыми выпил несколько бутылок портвейна в ближайшем сквере, чтобы не огорчать родителей, которые весьма гордились своим сыном, работавшим в Москве и, главное, закончившим уже пятый курс института, пусть и вечернего.

Галина впустила Илью в вагон, где она служила проводником. Будучи под хмельком, Илья сказал несколько любезных слов проводнице, которые она восприняла с улыбчивой доброжелательностью.

В купе он достал припасенную в дорогу бутылку хорошего вина и коробку конфет, что хотел передать комендантше общежития, как многолетний жилец за снисходительное её отношение к вечерним посещениям девушек в его комнату. Сосед по комнате – Филипп, который два года назад сменил прежнего Александра, частенько уходил пожить к очередной своей пассии, сохраняя, однако, место в общежитии за собой, чтобы в случае разлада в отношениях вернуться назад в общагу и пожить там, пока не подвернется следующая подружка.

Сейчас Филипп уже с полгода жил у женщины с ребенком в её отдельной двухкомнатной квартире, где-то на Юго-западе столицы, оставив комнату Илье в полное распоряжение.

Вернувшись из отпуска, Илья тоже надеялся подыскать себе девушку не строгих правил, чтобы соглашалась посещать общежитие и задерживаться там до утра, для чего и требовалось ублажить комендантшу.

Разбитная проводница понравилась Илье, и он с бутылкой вина и коробкой конфет заглянул к проводнице в служебное купе и был там принят гостем. Пассажиры вскоре уgomонились на ночь, а молодые люди весело болтали до поздней ночи, попивая вино и закусывая конфетами, которые проводница Галя, как оказалось, очень любит.

Часа через два выяснилось, что Галя любит не только конфеты, но и мужские объятия и едва минула полночь, как Илья овладел девушкой на её служебном месте. За годы жизни в Москве он утратил провинциальную стеснительность, обрел решительность, что так нравится шальным девицам, непременно сообщая им, что учится в институте. Учеба в институте как бы ставила на Илье знак качества и делала девиц более уступчивыми его мужским домогательствам.

Вот и в тот раз, выпив вина и разговорившись, Илья упомянул, что учится в институте, работает на заводе, живет в общежитии, но если женится, то ему в полгода дадут комнату от завода, а по рождению ребенка и квартиры ждать недолго. И вообще, ему уже давно предлагают перейти работать технологом, но он пока не решил, зачем ему это надо: зарплата хорошая, забот и ответственности у станка стоять нет никаких, и комната в общежитии почти всегда в полном его распоряжении.

Откровения захмелевшего Ильи были услышаны проводницей купейного вагона поезда Минск-Москва, что и побудило её, как оказалось много позднее, уступить домогательствам молодого человека с тайным прицелом превратить случайную интрижку в прочные любовные отношения.

За час до прибытия поезда в Москву, Илья выскочил из служебного купе, взял свои вещи и перенес их к проводнице Гале, оставшись вместе с ней и после высадки пассажиров, когда поезд был отправлен на стоянку в резерв.

Дождавшись, когда Галя сдала вагон следующей смене проводников, молодые люди вместе поехали к Илье в общежитие: было утро пятницы, Галине заступать на смену только в воскресенье по возвращению поезда из Минска и впереди было два свободных дня, которые Илья и Галя намеревались провести вместе к взаимному удовольствию.

Илья привел новую знакомую к себе в общежитие, вахтерша, получив свою коробку конфет, пропустила их, не отметив в журнале посещений постороннюю женщину, и они благополучно добрались до постели Ильи, где и провели, почти безвылазно, эти два дня и две ночи.

Галя оказалась умелой и отзывчивой любовницей, чутко отзывалась на ласки юноши, не выказывая претензий и часто, впоследствии, называла эти два дня их медовым месяцем.

Илья выходил пару раз за продуктами и вином, до которого Галя оказалась охочей, а вечером, в субботу они сходили вместе в вечернее кафе, где хорошо поужинали, потанцевали под оркестр и довольные вернулись в комнату Ильи, где продолжили познание интимных чувств друг с другом.

В комнате у Ильи уже были: собственный холодильник, телевизор, магнитофон, так что скучать и голодать молодым людям не пришлось. Илья проводил Галю на товарный двор, где она приняла свой вагон и, уговорившись о новой встрече, они расстались вполне довольные собой и теми отношениями, что завязались между ними.

С того времени, возвратившись из рейса, Галя спешила в общежитие к Илье, если был рабочий день, там она готовила, убиралась и к возвращению Ильи с завода в комнате был накрыт стол, на котором женской умелой рукой были расставлены блюда и закуски, вино и фрукты, сладости и молодые люди дружески поужинав, переходили к постельным процедурам, интерес к которым не угасал, а лишь разгорался стараниями девушки Гали.

Она ездила проводником уже три года и давно поняла, что кроме случайных любовных связей эта работа ничего не обещает ей в будущем. Пора было остепениться, и тут подвернулся Галине молодой и перспективный парень Илья, которого она посчитала надежным спутником для дальнейшей жизни.

Галина была родом из Белоруссии, росла без отца, мать попивала потихоньку, и рассчитывать Галине приходилось лишь на себя и счастливый случай, которым она и посчитала встречу с Ильей.

Так или иначе, но через месяц регулярный встреч Галина объявила Илье, что ждет ребенка от него и надеется на его мужскую совесть.

Илья воспринял это известие без воодушевления, но и без отвержения, согласившись оформить их любовные отношения брачными узами и начать хлопотать на заводе о выделении ему комнаты: на заводе как раз сдавался очередной жилой дом, и можно было надеяться на получение комнаты в освобождающихся квартирах старой постройки.

Они подали заявление в ЗАГС и через месяц должны были стать мужем и женой, о чем Илья написал своим родителям, что женится и скоро его родители станут дедушкой и бабушкой.

Недели через две, когда Илья приехал на Белорусский вокзал встречать Галю и прошел вдоль путей в резерв поездов дальнего следования, ожидая у какой-то будки появления своей невесты, он случайно услышал разговор двух парней, которые сидели на путях, ожидая ещё одного товарища и не замечая Ильи.

Вдали показалась Галина, которая легкой походкой направлялась к месту встречи с Ильей, заметив его издали и помахав приветливо рукой.

– Смотри, Пашка, твоя Галька из резерва идет, – сказал один парень другому. – У тебя, что с ней покончено, или временно разошлись?

– Хватит, два года с ней покувыркался, и завязал, узнав, что она изменила мне с пассажиром, о чем донесли мне другие проводницы, – ответил Пашка.

– Теперь со слов подруг, её трёт какой-то москвич и даже берёт замуж. Как говорится, возьми боже, что мне негоже! Я теперь Лидкой занимаюсь и эта Галька мне без надобности.

– Привет Галка, как поживаешь? – спросил этот Павел невесту Ильи, когда она подошла ближе. Галина, не ответив парню, прошла мимо и, свернув за будку, прижалась к Илье и поцеловала его на виду у парней, а потом, подхватив Илью под руку, потянула его к перрону, что виднелся вдали за поворотом путей.

От услышанного, Илья ошеломлен и не сопротивлялся Галине, уводившей его прочь от парней, один из которых был её давним любовным другом.

Опомнившись, Илья тут же и сказал Галине об услышанном разговоре парней. Она смутилась, покраснела, но отрицать услышанное не стала, сказав только:

– Да, у меня были отношения с этим парнем, но я сама его бросила из-за измены с какой-то Лидкой и рада, что так получилось, иначе я бы не встретила тебя, мой любимый Илюша, – и девушка прижалась к Илье на глазах окружающих и сама поцеловала его, заставив смутиться и успокоить ревность.

В общежитии она сама уложила Илью в постель и изнуряла его ласками до тех пор, пока Илья не обессилил вовсе и не забыл, на время, обидные для него слова другого мужчины о своей будущей жене.

Утром следующего дня он вспомнил услышанное, ревность вновь овладела Ильей и, глядя как Галина спит беззаботно, прижавшись к его плечу, он решал, что же делать дальше: расстаться с Галей или же вступить с ней в брак, постоянно помня этого рыжеватого парня, которого видел так близко и который владел его Галиной целых два года.

Но тут он вспомнил о будущем ребенке, о котором уже сообщил родителям: они решат, что их сын подлец и бросил беременную от него женщину, если он расстанется с Галиной. И то и другое было плохим выбором и подумав ещё, он решил остаться с Галей: из-за ребенка, а не ради неё самой и не ради себя самого.

Илья надеялся, что со временем всё стерпится – слюбится, но слюбиться так и не получилось.

Это решение и было его величайшей ошибкой в жизни, что почти привело Илью Николаевича к полному отчуждению от жены и от дочери: жертвуя собой ради будущего ребенка, он лишился приятных отношений к Галине и ребенку и тем самым обрек себя на одиночество на склоне лет, в котором и пребывал все последние годы жизни.

И даже сегодня, в день именин, он оставался одиноким, а посещение бывшей жены и последующая бытовая ссора с ней лишь добавили ему новых разочарований в осознании ничемности и неустроенности его нынешней жизни.

Как-то однажды, при очередной семейной ссоре с женой, когда уединиться не было возможности, он, в сердцах, бросил Галине следующие слова упрека:

– Узнав о твоих прежних любовных связях до меня, я надеялся, что ты любовью, прощением и уважением ко мне заставишь меня забыть о твоих грехах, и мы будем жить мирно и счастливо без подлых воспоминаний, но ты с рождением дочери почувствовала себя безгрешной, а меня напротив стала обвинять во всех грехах и недостатках, унижая моё мужское достоинство.

От твоего вздорного характера и неумения или нежелания подстроиться под мои чувства, я начал презирать себя за то, что назвал тебя своей женой ради дочери. Рождение дочери и её воспитание не сблизили нас и не изменили твоего наплевательского отношения к моим чувствам, мыслям и поступкам.

А если мужчина сам себя презирает, то он никогда не добьется успехов в жизни: ни по работе, ни в семейных отношениях, что и случилось со мною. Тридцать лет своей жизни я, презирая себя, жил с тобою, слушая постоянные упреки от тебя в свой адрес.

Да, я не выбился в люди в твоём понимании: не стал начальником, не стал проходимцем, когда власть в стране захватили предатели и воры, которые обогащались любыми способами и за чужой счет таких работяг, каким был я всю свою жизнь.

Потом, десять последних лет, я стал ненавидеть тебя вместо презрения к себе. И именно в эти годы, освободив свою душу от самоедства и упреков к себе, я начал жить свободно, не отвечая на твои злобно-унизительные нападки климаксовой старой женщины.

Надо бы разъехаться по разным квартирам, но при новой власти отдельную квартиру инженеру не получить, а купить, не позволяла мизерная зарплата. Вот и приходится нам жить под одной крышей – так давай не будем трепать себе нервы воспоминаниями о несбывшихся

мечтах и планах из прошлой совместной жизни и станем проживать добрыми соседями в коммунальной квартире – как чужие люди.

Ненависти к тебе, за напрасно прожитые года, я больше не испытываю: остались только грусть и сожаление о былом, которого не вернуть. Если ты не можешь избавиться от злобы, мы можем и официально развестись и разъехаться по разным квартирам: я могу перебраться в комнату к дочери нашей непутевой, а она переедет сюда, и будете жить вместе, хотя вряд ли уживётесь с вашими характерами.

На эту длинную и разумную речь жена Галина ответила бурным и злобным негодованием:

– Загубил мою жизнь, а теперь, на старости лет, хочешь уйти, чтобы жить одному и завести себе любовницу? Не бывать такому! Хватит и того, что ты летом, когда я живу на даче, водишь сюда продажных девок! Недаром про мужиков говорят, что «седина в бороду, а бес в ребро». Вот и ты, старый кобелюга, надумал избавиться от жены, чтобы заняться развратом на свободе.

Жаль, что сейчас не советская власть, а то написала бы я в профсоюз, что ты распутничаешь, и вмиг тебя вышибли бы из инженеров за аморальное поведение! Но теперь у власти такие же распутники, что и ты, и некому сейчас пожаловаться больной женщине на распутство мужа.

Жаль тогда, двадцать пять лет назад, когда ты завел себе любовницу Аньку, я не сообщила об этом в партком, а управилась собственными силами. Глядишь, выперли бы тебя с завода за аморальное поведение, уехал бы ты к своим родителям в свой городишко, а я осталась бы здесь в квартире и может, нашла бы себе достойного мужчину, а не такого рохлю ничемного, как ты. Зря пожалела я тебя тогда.

– Бог с тобой, Галина! О каких девках ты сейчас говоришь, что я привожу сюда в твоё отсутствие на даче? Тебе же соседка Машка докладывает о всех, кто по случаю или нечаянно заходит в нашу квартиру и нет среди них никаких девок. Это в тебе кипит злоба старой женщины и сушит тебе мозги, совсем лишая соображения.

Поэтому я и предлагаю жить добрыми соседями, а не злобными супругами, но тогда тебе некого будет ревновать своими глупыми подозрениями и донимать меня напрасными обвинениями в супружеской неверности, хотя супругами мы не являемся уже много лет и потому от нашего брака остались лишь штампы в наших паспортах.

Погоду в доме делает женщина, но ты с самого начала нашей совместной жизни устроила в нашем доме зимнюю невзгоду вместо теплой солнечной и спокойной обстановки летнего дня, на которую я рассчитывал, предлагая тебе руку, но которой так и не дождался за долгие годы совместной жизни.

Да и в постели, когда прошли первые страсти, от тебя всегда тянуло холодком, я ещё удивлялся: вроде на ощупь снаружи теплая женщина, но изнутри, от души, нет от тебя тепла, а холодное душевное равнодушие, – закончил он тогда длинную свою речь, на что Галина немедленно возразила:

– Положим и ты мне, как мужчина, всегда был невпечатлителен и я терпела тебя из необходимости как-то устроить свою жизнь в Москве – не ездить же, в самом деле, всю жизнь проводницей в поездах дальнего следования.

Илья Николаевич, помнится, хотел тогда выразить своё отношение к Галине в более резкой форме, но вовремя вспомнил слова отца, который мелкие бытовые раздоры с матерью Ильи быстро прекращал словами: – спорить с женщиной всё равно, что плевать против ветра – сам себя измочишь и ничего не докажешь.

С той поры Илья Николаевич замкнулся в себе и почти не разговаривал с женой, чем вызывал в ней ещё большее раздражение и подозрительность в несуществующей любовной связи на стороне, в чем она, как и любая стареющая женщина, была уверена, полагая, что мужчины до последнего момента жизни, даже в возрасте, ищут и находят любовные утехы на стороне, брезгуя своею состарившеюся женой.

Сегодня жена появилась, и вновь исчезла на даче, и Илья Николаевич вспомнил тот давний разговор лишь по случаю её появления здесь: – Приехала поздравить меня с именинами, но не удержалась, устроила очередную свару на пустом месте, расстроила меня и уехала на дачу победительницей, испортив мне настроение, как имениннику.

Хотя в отношении давней любовной моей связи с женщиной Анной, она была права и мстительно припомнила единственную, близкую мне духовно, женщину в моей жизни, с которой я мог бы прожить достойную и счастливую жизнь, встретиться она мне раньше до заключения злополучного брака с Галиной. Правду говорится, что хорошее дело браком не назовут. Я, как инженер, знаю, что браком называется испорченная деталь или изделие в процессе изготовления или использования.

Воспоминания об Анне были сладко-мучительны, как почесывания заживающей ранки от пореза ножом на руке, и Илья Николаевич вновь углубился мысленно в своё прошлое.

VI

С Аней он познакомился, будучи летом в отпуске в Крыму: завод дал ему бесплатную путевку в свой пансионат близ Феодосии.

В тот год, когда власть в стране под названием СССР перешла в руки Горбачева – молодого руководителя партии коммунистов, Илья достиг возраста Христа, был вполне доволен своей работой и зарплатой и лишь семейные дразги с женой Галиной иногда портили настроение не меняя, в целом, удовлетворение жизнью.

Дочь была десятилетней девочкой и не переняла ещё характер и привычки от матери, была двухкомнатная квартира, полученная от завода бесплатно с рождением дочери, работа не особенно обременяла, отношения с коллегами были ровные, потому, что Илья не вел борьбы за начальствующие должности, окружающие люди были спокойны и доброжелательны – что еще нужно для благополучной жизни мужчине, которому едва перевалило за тридцать?

Конечно, любимой женщины, коль жена не приносила семейного счастья будучи всегда раздражена и недовольная и мужем и дочерью и своею устроенной жизнью. Такое всегда случается, если женщина выходит замуж не по влечению чувств, а по личному расчету, желая устроиться поудобнее.

Бесплатная путевка в пансионат на три недели обещала хороший отдых у моря в разгар летнего сезона и, прикупив билеты на самолет до Симферополя, Илья с дорожной сумкой вещей и ста рублями денег в кармане на непредвиденные расходы, попрощался с дочкой и под ворчание жены, что не захотел купить путевку и ей, чтобы отдохнуть вместе, уехал в аэропорт Внуково, откуда вылетел самолетом в Крым.

Самолет Ил-86 взяв на борт 300 пассажиров, разбежался, грузно оторвался от полосы и полетел на юг в солнечный край, унося пассажиров из пасмурной Москвы, где всё утро моросил мелкий холодный дождь.

Соседкой в самолете оказалась женщина лет тридцати, довольно миловидная, с открытым взглядом серых глаз и ровным характером, который проявлялся в каждом её движении и в спокойной доброжелательной манере общения, разительно отличавшегося от поведения Галины, что и привлекло внимание Ильи, вырвавшегося в отпуск из-под гнёта сварливой жены.

За недолгое время полета Илья разговорился со своей соседкой, которую звали Анной, и она летела в отпуск тоже по путевке и тоже в Феодосию.

Анна работала в каком-то научно-исследовательском институте, которых было бесчисленное множество в Москве и её окрестностях и этот институт, как и положено крупному учреждению, тоже имел собственный пансионат на Южном берегу Крыма.

Илья рассказывал Анне какие-то случаи из своей жизни, давал оценку событиям в стране, а Аня внимательно и с интересом слушала мужчину, не перебивая и не возражая, что довольно

редко встречалось среди советских женщин, привыкших к равноправию и ставящих свое мнение выше других, особенно, мужских мнений.

Из самолета Илья и Анна вышли почти друзьями, вместе сели в автобус до Феодосии, продолжали общение, а выйдя из автобуса, заказали такси, на котором добрались до своих пансионатов, оказавшихся почти рядом. Илья, который выходил первым, расплатился с таксистом за всю поездку и предложил Анне встретиться завтра на городском пляже в полдень у входа, что Анна приняла охотно и без всяких условий.

Добравшись до пансионата, Илья разместился в двухместном номере, которым оказалась комната на двоих с отгороженным местом общего пользования, включающим раковину и унитаз – никакой ванной или душа там не было, однако в конце коридора была душевая комната, где при желании можно было принять вечером горячий душ, когда подавалась горячая вода.

Сам пансионат представлял из себя трехэтажное здание общежитейского вида, рядом с которым располагалась столовая, где по талонам можно было завтракать, обедать и ужинать, а талоны эти выдавались отдыхающим утром на текущий день. Такой порядок был введен, чтобы посторонние не могли зайти в столовую, где не было вахтера на входе, чтобы покушать за бесплатно, чем иногда пользовались дикие отдыхающие.

Кроме того, нельзя было повторно покушать, если кому-то не хватало порции. Впрочем, оказалось, что питание вполне сносное, неиспользованные талоны можно было обменять в буфете при столовой на шоколад или другие сладости, чем многие и пользовались, не желая идти с пляжа на обед в столовую. Море от пансионата было далеко, с каменистым берегом, и администрация советовала пользоваться городским пляжем, до которого было двадцать минут ходьбы.

Соседом по номеру у Ильи оказался шустрый мужик лет сорока по имени Виктор, не имеющий никакого отношения к заводу, работающий учителем в средней школе и получивший путевку по профсоюзной квоте, для предприятий района не имеющих собственных пансионатов или профилакториев на юге – так обеспечивалась социальная справедливость для работников мелких учреждений быта, образования, медицины и культуры за счет крупных и богатых предприятий.

Дело шло к вечеру и, приняв ужин, Илья с соседом решили никуда не ходить, чтобы отдохнуть с дороги и следующим утром, после завтрака, отправиться на пляж к морю, из-за которого они и приехали сюда отдыхать в неблагоустроенных номерах пансионата.

Ужин состоял из омлета, каши рисовой на молоке, стакана какао и бутерброда с маслом и сыром, что стоило, если верить надписи на талоне, 60 копеек. Столько же стоил завтрак, а обед стоил 80 копеек и всего отдыхающих здесь кормили на два рубля в день.

Ночь прошла спокойно, сосед не храпел, Илья хорошо выспался и после завтрака вместе с Виктором они направились на городской пляж купаться, загорать и флиртовать с женщинами, а если повезет, то и завести курортный роман, что советской моралью того времени не осуждалось и даже приветствовалось негласно: можно было приводить девушек в гости безнадзорно и в любое время, кроме поздней ночи.

Повалявшись на песке и искупавшись несколько раз в прозрачной соленой воде, Илья в полдень пошел к входу на пляж, где встретил Анну, которая пришла с незнакомой женщиной несколько старше Анны по возрасту – как оказалось такой же соседкой по номеру, что и Виктор с Илей. Женщина по имени Лида, оказалась хохотушкой, заряженной на поиск мужчины для совместного отдыха и вскоре все четверо казались со стороны единой компанией старых друзей, а Виктор старательно ухаживал за Лидой, рассчитывая, и не без оснований, на взаимность.

Они пообедали здесь же шашлыками, не пожелав возвращаться на обед в свои пансионаты и проведя весь день вместе, пошли к себе, чтобы обмыться после купаний, поужинать, привести себя в порядок и снова встретиться вечером.

Виктор, возбужденный новым знакомством, предложил Илье пригласить девушек к ним в номер, выпить портвейна ради знакомства и, если девушки согласятся, то Илья останется с Анной в их номере, а он, Виктор, вместе с Лидией уйдет на ночь в номер девушек.

– Я согласен, – ответил Илья, – но где ты достанешь портвейна? После того, как Горбачев ввел почти сухой закон, здесь не достать вина никакого: в продаже нет в магазинах, а домашнее вино надо было покупать раньше, но и тех продавцов милиция гоняет.

Дураком оказался этот Горбачев, что начал своё правление с борьбы против спиртного. Если и дальше он будет руководить страной такими же методами, то боюсь быть большой заварухе в нашей стране.

Царь Николай Второй перед самой Первой мировой войной ввёл сухой закон и получил через три года революцию в ответ. Как бы и в нашей стране Горбач не довел народ до волнений и не разрушил нашу спокойную, сытую и налаженную жизнь, которая дает нам возможность отдыхать здесь на юге и заниматься с хорошими и отзывчивыми девушками.

– Не беспокойся, Илья, я захватил из Москвы, на всякий случай, три бутылки хорошего портвейна, хотя и считал, что ехать в Крым со своим вином, все равно, что в Тулу ехать со своим самоваром, как говорили наши деды, – ответил Виктор. – Я много раз был в Крыму, и здесь на каждом углу продавалось домашнее вино. Бывал я и в Массандровских подвалах на дегустации крымских вин, а теперь всё это испарилось заботами Горбачева. Дураком оказался новый генсек, под стать Никите Хрущеву, что хотел выращивать кукурузу за полярным кругом, а теперь Горбачев хочет русский народ лишить выпивки по всяким случаям, в том числе и при знакомстве мужчин с девушками.

Если девушка не отказывается выпить вина с мужчиной – значит, она будет согласна и на более близкое знакомство в постели – так говорит мой приятель, который большой знаток женской психологии.

Всё так и случилось, как говорил Виктор.

Вечером они встретились с девушками, пригласили их к себе в номер, выпили вместе с ними бутылку портвейна ради знакомства, затем Виктор пошутукался с Лидой в коридоре, куда они вышли покурить, а потом Лида в сопровождении Виктора ушли прогуляться до соседнего пансионата, и на прощание Лида весело помахала рукой Анне и Илье, пожелав им спокойной ночи.

Выпитое вино и теплая южная ночь со стрекотом цикад расслабили волю, освободили женские и мужские желания и спустя полчаса они оказались в постели, и Анна отдалась Илье непринужденно, со всей страстностью зрелой женщины, прогретой насквозь южным солнцем и давно не знавшей мужской ласки.

Илья чувствовал свою новую знакомую всей силой мужского желания, которого ему всегда не хватало в общении с женой.

Ушедшая пара так и не возвратились и любовники изнуряли друг друга ласками до самого рассвета, с наступлением которого Анна торопливо собралась уходить в свой пансионат, поцеловав Илью, находившегося в сладкой дреме и сказав на прощание, чтобы он не думал о ней плохо, как о распутной женщине: просто он понравился ей сразу, при первом знакомстве в самолете, пришелся по душе и, как мужчина, тоже оказался хорош.

Вскоре после ухода Анны, появился Виктор, совершенно измученный любовными упражнениями с Лидой, которая оказалась неумолимой в женском желании и мучила его всю ночь, так что он, не раздеваясь, плюхнулся на свою кровать и мгновенно заснул, пропуская завтрак.

Илья, однако, позавтракал, поспал пару часов и к полудню пошел снова на пляж, где встретил Анну, как и уговорились при расставании.

Новоиспеченные любовники расположились на песке, расстелив покрывало, которое заботливая Анна привезла с собой, не желая в отпуске валяться на песке, истоптанном тысячами ног отдыхающих.

Илья чувствовал себя рядом с Анной легко и непринужденно, как будто искал эту женщину много лет, нашел, наконец, успокоился душой, обретя покой и умиротворение и задремал вместе с ней, соединившись руками.

Небо затянули легкие облачка, которые сняли нестерпимый жар солнца, лишь иногда позволяя ему пронзять лучами людские тела, валяющиеся на песке группами и поодиночке, словно тюлени на морском лежбище, как показывают по телевизору в «Клубе кинопутешественников».

Поспав пару часов, они очнулись от забытья, искупались в прогретой солнцем морской воде, перекидываясь между собой короткими, ничего не значащими фразами, словно супруги, прожившие вместе долгие годы в любви и взаимной заботе, изучившие взаимные чувства и привычки и потому инстинктивно понимающие друг друга без слов и жестов.

Вскоре к ним присоединились их соседи и соратники по романтическим отношениям – Виктор и Лида, едва отошедшие от ночных скачек, измучивших их тела, и желающие пляжного пассивного отдыха перед будущими любовными забавами грядущей ночи.

Море и солнце взбодрили всех четверых, они прогулялись до ближайшего кафе, где перекусили овощным салатом и цыпленком табака, не желая возвращаться в свои пансионаты, чтобы пообедать.

Солнце клонилось к закату, когда эти две пары покинули пляж, решив повторить занятия предыдущего вечера, которые сделали их курортными любовниками.

Вечер прошел по тому же сценарию, что и накануне и Илья с Аней, оставшись одни, удовлетворили свои желания близости и мирно уснули в объятиях, словно благовоспитанные супруги.

Далее отношения Ильи и Анны развивались в жанре курортных романов, о которых Илья читал в разных книжках, но на себе испытал лишь впервые.

Авторы тех книг, видимо, сами являясь развратниками – любителями случайных связей, убеждали своих читателей, что случайная связь мужчины и женщины, особенно в отпуске, вдали от семьи, является естественным удовлетворением плотских желаний и не считается изменой, если по окончании отпуска или командировки, эта связь прекращается без последствий для обоих участников, которые возвращаются к своей обыденной жизни, вспоминая это любовное увлечение как забавное приключение и не более того.

Через неделю, отношения Ильи с Анной совершенно выровнялись, и они стали разнообразить дни не только прогулками на пляж и вечерними посиделками за бутылкой вина в комнате пансионата, но и прогулками по окрестностям Феодосии, посетив дом-музей Волошина и совершив прогулку на теплоходике до скал Карадага.

Они заглянули в музей Айвазовского, два дня провели на острове напротив городского пляжа, где было поменьше людей, но туда и обратно нужно было добираться катером, заплатив 20 копеек с человека. Анна охотно выполняла пожелания Ильи прогуляться или остаться в номере и подчиниться мужскому желанию, никогда не возражала и не выказывала недовольства, чем особенно и привлекала его, ибо такая манера её общения разительно отличалась от вечно недовольной и раздражительной жены Галины.

Их соседи по любовным забавам постепенно отстранились, занимаясь исключительно упражнениями в постели, проявляя ненасытность, словно медведи после зимней спячки. Впрочем, ненасытной оказалась Лидия, а Виктор изо всех сил старался выглядеть перед нею молодцом, иногда жалуясь Илье, что курортная подружка совсем измотала его и после такого напряженного отпуска ему впору вновь ехать в санаторий поправлять здоровье, подорванное ненасытным желанием Лидии.

Илья рассказал о горестях соседа, на что Анна рассмеялась и поведала, что Лидия, по её словам, каждый год ездит в Крым за любовными приключениями, чтобы потом, целый год вспоминать об этом, ведя скучную жизнь при муже, которому было под пятьдесят лет, и он давно уже не интересовался своей женой, всецело посвящая себя работе и заботам о взрослых их детях, которых было двое: сын и дочь.

Анна просила Илью не рассказывать об этом Виктору, поскольку Лидия представилась ему при знакомстве одинокой женщиной, зная, что мужчины даже вдали от своих жен предпочитают не связываться с замужними женщинами, чтобы случайно не нарваться на ревнивого мужа, внезапно прилетевшего на выходные дни сюда, чтобы убедиться в непорочности своей половины.

Свидетелями такой разборки на пляже были однажды и Илья с Анной, когда толстый и белокожий мужчина устроил сцену своей загорелой жене, застав её обнимающейся у всех на виду с молодым кавказцем, – темнокожим и заросшим шерстью по самые ноздри.

О себе Анна сообщила, что была замужем, когда ещё училась в институте, и вышла замуж по глупости, догоняя нескольких подруг. Она родила сына, ушла от мужа и сейчас живет отдельно, получив квартиру от института, где теперь работает. Сыну Сергею восемь лет и он сейчас живет на даче у её матери.

После неудачного брака у Анны были две-три короткие связи с мужчинами, которые не принесли ей ни радости женской, не дружеского участия и она никого не помнит, особенно этих мужчин и мужа, как будто их никогда и не было в её жизни.

К Илье она испытала какое-то магнетическое притяжение, которое и привело их к курортному роману, где она испытала и женское удовлетворение, взаимную приязнь и ничуть не сожалеет о случившемся.

Анна понимает, что мужчина его возраста, наверное, имеет семью, но из их коротких ещё отношений, она догадалась, что Илья не совсем доволен своей жизнью, коль пошел на измену жене, не являясь по характеру искателем интимных приключений.

Илья, в свою очередь, признался Анне, что действительно женат, женился он в связи с предстоящим рождением дочери, которой уже исполнилось десять лет, но с женою так и не наладил теплых отношений, ввиду вздорности её характера.

Работает он простым инженером в цеху большого завода, работой своей вполне доволен, в начальники не рвется, зарплатой тоже удовлетворен, но жена постоянно пилит и пилит его за никчемность, считая неудачником – коль не стал начальником.

– Но, понимаешь, Аня, – расслабленно говорил Илья в минуты откровения, наступающего сразу после взаимного удовлетворения плоти, когда он откидывался навзничь на кровати, а женщина благодарно прижималась к нему сбоку, – я по натуре человек постоянный и не склонный к резким переменам в настроении и своей жизни, и поэтому, терплю рядом с собой чужую женщину ради дочери, которая подрастает уже и вступит скоро в опасный возраст.

Если я уйду из семьи, которой фактически нет и никогда у меня не было, то дочь моя, без отца, может надеть глупостей и я в ответе за её судьбу. Жена этого, к сожалению, не понимает, как никогда не понимала меня, и считает, как старуха из сказки Пушкина, что я у неё всегда буду на побегушках, не смея перечить.

Дочь вырастет скоро и останемся мы с женою у разбитого корыта на старости лет, когда нас вообще ничего не будет связывать, но и деться будет некуда друг от друга. В неприязни можно решать споры, совершать поступки, но нельзя вместе жить долгие и бессмысленные годы. Боюсь, что впереди меня ждет одинокая старость. Мне кажется, что с тобой у нас могла бы сложиться семья, но у тебя есть сын, которому не нужен чужой дядя, а я не могу уйти и бросить дочь, чтобы воспитывать другого ребенка – это будет предательством и с моей и с твоей стороны.

– Не мучай себя Илюша напрасными упреками, – успокаивала Анна, осторожно поглаживая его по груди и убаюкивая, подобно матери, укачивающей свое малое дитя. Мне от тебя не надо ничего, кроме доброго отношения и ласки. Если захочешь, то мы сможем продолжать наши встречи в Москве, тайно и скрытно, чтобы твоя жена не догадалась и не начала преследовать тебя.

Хотя, как женщина, она скоро догадается – женский инстинкт ей подскажет, что у тебя кто-то есть на стороне. В общем, решай сам, что и как делать, но знай, что я всегда буду помнить наши встречи здесь в Крыму и всегда приму тебя и помогу в трудную минуту.

Ты глубоко порядочный человек, потому тебе и трудно жить в наше время, когда начали вдруг проявляться в нашей стране у людей хищнические инстинкты, что удивительно после многих лет советской власти.

Я политикой не занимаюсь, но замечаю, как в последние годы энтузиазм и бескорыстие людей угасают, а взамен, ниоткуда, появляются жажда денег и власти, благодаря действиям высших правителей государства и директоров предприятий, которые начинают считать эти предприятия и власть своей собственностью и наследством.

– Спасибо Аня, что успокоила меня своими словами. К черту политику и заботы – давай отдыхать пока отпуск, а дальше видно будет, – отвечал Илья на заботливые слова женщины, ставшей за короткое время близкой ему и понятной любовницей и другом.

– Что могли мы уже совершили, а теперь надо поспать, чтобы завтра снова жариться на солнце, которое в Москве бывает довольно редко.

– Я читал где-то, что при солнце у человека вырабатываются витамины радости – может, поэтому здесь, на юге, люди веселы и беспечны, а стоит им возвратиться в наши холодные и сумрачные края, как улыбки угасают, появляются заботы и люди вновь становятся хмурыми и угрюмыми. Давай спать, моя радость, – закончил Илья свои откровения, прижал женщину к себе, поцеловал её в щеку и скоро забылся спокойным сном в полном удовлетворении чувств и мыслей.

В середине отпуска у Анны наступили дни женского недомогания, и она уединилась в своем номере, не желая, чтобы Илья видел её больной и измученной.

Илья продолжал отдых уже в одиночку, поскольку сосед по номеру продолжал заниматься своей Лидой, сетуя Илье на Анну, которая остаётся в номере, мешая Виктору уединяться с Лидой, и теперь приходится любовникам заниматься богоугодным делом второпях, на лужайке под топодем, постоянно опасаясь как бы их не прихватили милиционеры.

Менты, застав отдыхающих в неглиже за любовными занятиями, берут мзду в размере червонца, чтобы не отводить в отделение и не возбуждать дело за непристойное поведение в общественном месте, которыми считались, почему-то, все места, доступные для плотских утех в темную южную ночь.

Через три дня Анна поправилась и их встречи с Ильей возобновились, освободив номер и для соседей по жилью – коллег по забавам: Виктору и Лидии.

Дни отпуска пролетели незаметно, как чайки на горизонте, где синева неба сливается с синевой моря, и настала пора покидать благословенный Крым, который подарил Илье и его новой подруге радость встречи, любовь и удовлетворение чувств.

Оказалось, что и обратно они летят одним рейсом, только места были отдельные, что можно было легко уладить, договорившись с соседями о перемене мест.

Побродив накануне вечером по затихшей набережной и бросив в воду по монетке, чтобы этой приметой вернуться когда-нибудь сюда вновь, Илья со спутницей вернулись в пансион и устроили ужин на четверых прямо в номере.

Виктор умудрился где-то достать вино: вот и теперь на столе стояли две бутылки хорошего крымского вина, фрукты и шоколад, колбаса и сыр, что и составило их прощальный праздничный ужин.

Выпив вина и вспомнив дни отпуска, пары разошлись по своим рабочим местам: Виктор и Лидия ушли в пансионат, где проживала Лидия, а Илья и Анна остались в мужском номере Ильи.

Он как-то предложил Виктору уступить ему место здесь, но тот отверг предложение, сказав, что уже примелькался в том пансионате, куда его впускает вахтерша без вопросов, а кроме того, здесь он нечаянно встретил знакомого из РайОНО и опасается, как бы он не донес до Москвы сведения о его похождениях в отпуске, если заметит его с Лидой, рано утром выходящими из номера.

Приближающееся расставание придало любовникам дополнительной чувствительности, и их последняя крымская ночь прошла, как и первая, в неуютимой любовной ласке.

Рано утром, Илья проводил Анну за ворота пансионата, договорившись встретиться через пару часов на автобусной станции, чтобы вместе уехать до Симферополя и там погрузиться в самолет, следующий до Москвы.

– Всё хорошее, когда-нибудь кончается – вот и наши встречи подошли к концу, но я рада, что встретила тебя и ни о чем не жалею, – сказала Анна на прощание и побежала в свой пансионат собирать вещи, которые у неё, как и у всякой женщины, были разбросаны в полном беспорядке по всему номеру, вперемешку с вещами Лиды, остающейся ещё на неделю, вместе с Виктором, в благословенном Крыму.

Боевые подруги обменялись адресами и телефонами, и Анна направилась к автобусной стоянке, а Лидия, которая поутру проводила Виктора, легла спать после бессонной ночи проведенной с любовником.

Илья встретил Анну у автобуса, они погрузились, без помех добрались до аэропорта, и в полдень всё тот же самолет ИЛ-86 понес их вместе с тремя сотнями пассажиров обратно в Москву в рутину домашних забот и работы.

Выйдя вместе с Анной из аэропорта Внуково, Илья решил проводить её до дома, поскольку у девушки был увесистый чемодан, а у него лишь дорожная сумка. Анна с сыном жила в двухкомнатной квартире у метро Красногвардейская и поездка на такси была дорогой для инженера из НИИ.

– Дорогая, я помогу тебе добраться до дома, а потом поеду к себе, куда мне совсем не хочется возвращаться, – сказал Илья своей спутнице и добавил: – с тобой мне хорошо и спокойно, потому я и оттягиваю возвращение к жене в атмосферу склок и неприязни.

Анна согласилась без колебаний, тоже желая отсрочить неизбежность расставания с курортным любовником.

Через полтора часа они автобусом-метро-автобусом добрались до Аниного дома, который стоял на Сиреневой улице и смотрел окнами на обширную низменность, заросшую кустарником, на противоположной стороне которой виднелись трубы какого-то завода.

– Вот я и дома, – облегченно вздохнула Анна. – Может, зайдешь ко мне попить чайку с дороги? Сын мой у бабушки и будет там до самой школы – ещё почти месяц. Отдохнешь с дороги и потом продолжишь путь домой, – уговаривала Анна своего любовника, полагая, что Илья не хочет возвращаться домой и, помогая ему отложить минуты расставания с ней на поздний вечер.

Илья поколебавшись, согласился зайти к Анне в гости и вскоре они сидели на кухне, и пили чай со смородиновым вареньем, вспоминая свое пребывание в Крыму и гадая, что бы они делали сейчас в это время там на юге.

Решение этого вопроса пришло само собой, и после чаепития они продолжили любовные отношения в спальне у Анны, которая инстинктом любящей женщины пошла навстречу желанию Ильи как можно дольше не возвращаться в свой дом, к жене и дочери.

Продолжение отношений после завершения отпуска означало и продолжение их романа, который из короткой курортной связи превращался в длительную любовную привязанность, как оказалось, на годы.

VII

Илья стал жить на две семьи. Дома он проводил время с постылой женщиной, нелепой волею случая считающейся его женою и десятилетней дочерью Ксенией, удивительно быстро усваивающей привычки и манеру поведения матери и начинающей считать отца тоже никчемным человеком со всей непримиримостью подросткового возраста.

Илья частенько пытался наладить контакты с дочерью, но на все его действия Ксения откликалась молчаливым пожатием плеч и снисходительной улыбкой, которой взрослые обычные люди сопровождают действия дурачка – дауна, случайно встретившегося на оживленной улице.

С женой Галиной и вовсе не было ничего общего, кроме дочери. На любые его слова или действия, Галина немедленно находила возражения или противодействия, неудовлетворенной своим положением женщины. Илья всячески стал избегать исполнения супружеских обязанностей, чем вызывал ещё большее раздражение Галины, находившейся в самом расцвете женского зрелого возраста, требующего не только морального, но и плотского удовлетворения своего естества.

Галина, конечно, почти сразу почувствовала перемену в поведении мужа и мучительно искала причину его хорошего настроения, чтобы вновь ввести Илью в состояние безропотного подчинения и тоскливости, при котором она получала полное превосходство над этим мужчиной, доставшимся ей по ошибке: выходя замуж она считала, что вытянула счастливый билет, как в лотерею, а оказался этот билет пустышкой.

С Анной, напротив, отношения стабилизировались и гармония чувств перешла в гармонию взаимопонимания, которая возникает между близкими людьми с общими взглядами, мыслями и ощущениями, создавая теплую атмосферу спокойствия и доброжелательности, когда каждый из партнеров-любowników старается сделать что-то приятное другому и получая в ответ то же самое.

За месяц встреч, пока сына Анны не было дома, Илья исхитрился несколько раз встретиться с любимой женщиной у неё дома, отпрашиваясь с работы по якобы неотложным делам, что было достаточно сложно при пропускной системе на заводе, когда приход и уход работника отмечается автоматически взятием или вложением пропуска в ячейку.

Однако, повод инженеру выйти за ворота проходной всегда находился без труда, лишь бы непосредственный начальник дал разрешение, которое Илья получал без труда, отличаясь добросовестным отношением к работе, которое он перенял от родителей и наставников, начиная свою трудовую деятельность.

Анне тоже не составляло труда отпроситься с работы на целый день под предлогом получения какой-нибудь справки для сына в школу или, на крайний случай, по причине наступившего женского недомогания, что её начальница прекрасно понимала, как женщина, и никогда не отказывала своим сотрудницам провести критический день-другой, не выходя из дома.

Илья приезжал к Анне на другой конец Москвы, они предавались любовным ласкам, потом пили чай или вино, смотря по настроению, которое при их встречах всегда было взаимно хорошим. Потом Анна готовила обед, казавшийся Илье удивительно вкусным, поскольку его готовила доброжелательная к нему женщина, получившая полное удовлетворение от мужчины, и в благодарность за это захотевшая угостить любимого чем-нибудь вкусеньким, следуя древней заповеди, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок.

После обеда они дремали в сытой неге час-другой, прижавшись друг к другу и ощущая как добрая теплота объятий перетекает от одного к другому и возвращается обратно ещё более

сильной, согревая души и соединенные тела. Проснувшись и освободившись от дремоты, они предавались вновь любовным утехам, пока не насытившись и обессилив окончательно, снова не впадали в сладостное забытие.

День незаметно клонился к вечеру и, попив чаю и поболтав ни о чём, а лишь бы слушать и слышать другого, они расставались до следующей встречи в умиротворении чувств и желаний.

Илья возвращался домой запоздно, объясняя свои задержки срочными и неотложными делами, которые, в самом деле, частенько возникали на заводе, о чём жена Галина знала, понаслышке, от соседских женщин, мужа и сыновья которых тоже работали на этом же заводе.

Вернувшись домой, Илья выпивал стакан молока или кефира и укладывался спать в супружескую кровать, отвернувшись к стенке от жены и ссылаясь на рабочую усталость, если Галина вдруг начинала помогать.

Его отказ она воспринимала как личное оскорбление, устраивая тихую свару, чтобы не слышала дочь в соседней комнате, говоря, что и как мужчина он, Илья, никуда не годится, намекая тем самым, что она знала и лучших мужчин, не осмеливаясь, однако, открыто сравнивать Илью с кем-нибудь из своих бывших, которых, видимо, было много за годы её работы проводником купейного вагона в поездах дальнего следования.

Илья лениво огрызнулся на упреки жены, говоря, что ей надо было остаться с кем-нибудь из тех, лучших мужчин, но, наверное, дураков среди них не было, чтобы жениться, вот и приходится ей быть с ним – никудышным. Однако, он, Илья её не держит и если Галина всегда недовольна, то пусть уходит на все четыре стороны, а дочь он вырастит и без её усилий.

Галина злобно отвечала: – Ушла бы давно, да некуда! Квартиры нет и эту двушку без лифта, на четвертом этаже, разменять на две квартиры однокомнатные не представляется возможным, а жить в коммуналке с соседями она не согласна, если Илья возьмет дочь к себе.

На этом привычная ночная перебранка заканчивалась и Илья спокойно засыпал, вспоминая теплые объятия Анны и сердечные разговоры с ней, моментально чувствуя малейшие изменения в его настроении и всегда находящей повод похвалить Илью за мысль, поступок или просто – как любимого мужчину.

От встреч и утешений с любимой женщиной Илья воспрянул из угнетения чувств, в котором пребывал все последние годы, что немедленно отразилось и на работе: он стал проявлять инициативу в делах, которые ранее делал равнодушно, проявлял инженерную смекалку и знания и даже начал почитать книги по специальности, чтобы сделаться лучшим специалистом.

С началом учебы сына Анны в школе встречи любовников проходили с утра и до обеда, когда мальчик, по имени Андрей, возвращался из школы. Илья оформил себе, раз в неделю, административное освобождение от работы до обеда, а после встречи с Анной, возвращался и делал всё, что нужно, задерживаясь по необходимости. Анна поступала также, отпрашиваясь с работы в своём НИИ, на весь день, чтобы после ухода Ильи заняться домашними делами.

О своих делах он всегда делился с Анной и находил у неё неизменную поддержку и одобрение. Изменения в отношении Ильи к работе вскоре были замечены начальством и, примерно через год отношений с Анной, он был назначен начальником технического бюро в цеху, что существенно сказалось и на его зарплате, и на его положении, поскольку все сотрудники и рабочие теперь называли его не просто Ильей или инженером, а величали Ильей Николаевичем, что было заслужить совсем не просто у пожилых рабочих.

Анна, обретя мужское плечо, пусть на краткие мгновения встреч, успокоилась душевно и телесно, смирилась с участью женщины, делившей мужчину с другой женщиной, и никогда не выказывала недовольства или желания переменить что-то в этих отношениях, полагая, видимо, что время само расставит всех по своим местам.

Иногда Илья, пригревшись возле Анны после плотских утех, начинал размышлять вслух, как бы им устроить свою жизнь вместе, но чтобы при этом не пострадали их дети, но ничего путного из этих размышлений не выходило: при любом обороте дел кто-то из детей обяза-

тельно оказывался пострадавшим. Если бы Илья уходил в Анне, то он оставлял свою дочь, которую Галина ему никогда не отдаст, и будет он воспитывать чужого ребенка, бросив своего, а других вариантов быть вместе с Анной, просто не существовало.

Вот если бы с Галиной произошел какой-нибудь несчастный случай, и она исчезла, то судьбы Ильи и Анны устраивались бы лучшим образом: Анна тактично и умело воспитала бы дочь Ильи вместе со своим сыном, внушив детям, что Илья и есть их общий отец.

Но несчастного случая с Галиной не предвиделось, и Илья старательно расстраивал свои отношения с Галиной, чтобы она присмотрела себе другого мужчину на стороне и ушла бы к нему, ради чего Илья готов был оставить им свою квартиру и перебраться на жительство к Анне, разумеется, вместе с дочкой. Ему были известны истории, когда мать бросала детей ради любовника. Да что там говорить, если схожую историю описал Лев Толстой в своем романе «Анна Каренина», где Анна одна ушла к любовнику Вронскому, поскольку муж не отдал ей сына.

Илья, раза два-три, при очередном раздоре с женой, когда он уклонялся от исполнения мужских обязанностей и нарывался на оскорбления от неё по поводу своей мужской несостоятельности, говорил ей в сердцах: – Если я не могу с тобой сожительствовать по причине мужской несостоятельности, как ты говоришь, то найди себе утешение на стороне – я препятствовать твоему прелюбодеянию не буду, а если ты, заведя любовника, уйдешь к нему, то будет только лучше всем нам.

– Ишь, размечтался, чтобы я ушла к другому, и освободила место для твоей любовницы, которая по всем приметам завелась у тебя уже давно и тем отвадила тебя от меня. Не дождешься! Мужика я может, и заведу для себя, но дочь тебе не отдам – так и знай.

И от угрозы развода, Галина переходила к слезам, проклиная сквозь слезы и Илью, и неизвестную ей женщину, и свою несчастную жизнь с мужем-изменщиком. От женских слез Илья съезживался, чувствуя свою вину перед этой чужой ему женщиной, которая так и не стала ему женой, потому что не пожелала или не смогла понять его мысли и чувства, приспособиться к нему душой и телом, а лишь постоянно унижала его мужское достоинство и его самолюбие, доведя дело до полного разрыва отношений, несмотря на наличие общего ребенка.

Дочь, подрастая, начала понимать отношение матери к отцу и неизменно занимала сторону матери, постепенно перенимая от матери поступки, характер и манеру поведения с отцом. Но даже такую, отчуждающуюся от него дочь, Илья не решался оставить ради любимой женщины, каковой, уже давно, он считал Анну.

Иногда Галине удавалось разжалобить Илью женскими слезами, и он, через не хочу, исполнял мужские обязанности, которые вновь не приносили им никакого удовлетворения, лишь разжигая в обоих чувство обиды и злобу на самих себя за вынужденное сожительство.

Галина, не получив женского удовлетворения, вновь начинала перечислять недостатки Ильи в жизни и в постели, а Илья, откатившись на кровати к стенке, молча проклинал себя за давнее решение жениться на Галине ради будущего ребенка, и вспоминал, как же ему хорошо и покойно бывает при близости с Анной и рядом с ней после удовлетворения страсти.

– Настоящая близость мужчины с женщиной появляется не в минуты интимных отношений, а после и лишь при наличии дружеской общности, когда мысли и поступки одного находят понимание и одобрение другого, дополняя радость плотского удовольствия приятным духовным общением, что и вызывает новое, более высокое влечение, называемое любовью, – размышлял Илья, под всхлипывания и уничижительные слова жены Галины после принудительного исполнения им брачных обязательств в супружеской постели.

– Прав был писатель Лев Толстой, когда писал, что счастливые семьи одинаково счастливы, а все несчастные – несчастливы по-своему. Если бы Галя дорожила мною, как мужем и женщиной, разделяла бы мои взгляды на жизнь, на семейные отношения и на работу, понимала

бы мои стремления и чувства – разве искал бы я утешение у другой женщины? Конечно, нет! Мне было бы достаточно и ровных семейных отношений с близкой и родной женой и дочерью.

Но эта женщина, что рядом и считается моей женой, чужда мне во всем, а Анна, которая близка – не может быть рядом по житейским обстоятельствам, и я теперь нахожусь между ними, как между жерновами, что вращаются в разные стороны и измельчают мою душу в пыль, словно зерно в муку – продолжал сожалеть о себе Ильи, пока упреки и слезы жены не заканчивались и она затихала, освобождая Илью от тягостных мыслей, и он тоже засыпал, предчувствуя, будто рядом с ним посапывает не эта чуждая ему женщина, а родственная и душевно близкая Аня, излучающая доброе тепло.

Такой жизни Ильи между двумя женщинами прошло два года. Отношения с Анной укреплялись: страсть и желания близости чуть ослабли, оставаясь, однако, весьма притягательными, тогда как духовная близость усилилась до такой степени, что они понимали друг друга с полуслова, а иногда и вовсе без слов – достаточно было взгляда или прикосновения и жеста.

Илья, подчас, задумывался о разводе с женой: дочь Ксения вступила в подростковый возраст, стала грубой и непримиримой, переняв все привычки и характер от матери, поэтому Илья в семье был чем-то вроде ненужной мебели – пользы никакой и выбросить жалко. Жена Галина вступив в пору женского увядания, стала ещё более раздражительной, руководствуясь при общении не рассудком, а сплошными эмоциями и потому к продолжению совместной жизни Ильи не видел никаких разумных оснований.

Анна же, напротив, оставалась внимательной и заботливой к нему женщиной, несмотря на неопределенность своего положения, посещаемой любовницы женатого мужчины. Настроение у неё, внешне было всегда спокойным и доброжелательным не только к нему и сыну, но и ко всем окружающим. Свои заботы и печали Анна решала самостоятельно, тщательно скрывая от Ильи, чем иногда вызывало его неудовольствие.

Однажды, он случайно узнал от неё, когда за разговором она проговорила, что год назад было беременна от Ильи и сделала аборт, не поставив его в известность. На возмущение Ильи таким поступком, Анна откровенно сказала, что второго ребенка ей одной не потянуть, а Илья ещё в начале их отношений твердо сказал, что не бросит дочь ни при каких обстоятельствах.

– Ну, сказала бы я о своем положении, и что бы это изменило в наших отношениях? – возразила Анна на упреки Ильи. – Аборт все равно пришлось бы делать, но при твоём участии, и такое решение могло бы испортить твоё отношение ко мне, чего я не захотела.

Подумав немного, Илья согласился с доводами Анны, но впредь наказал ей ничего не скрывать от него, особенно если это касается их обоих.

– Пойми, Аня, мы с тобой близки более, чем муж и жена, и потому не должны скрывать друг от друга ни радостей, ни печали, ни забот – иначе духовная близость наша нарушится постепенно и незаметно, как ржавчина разрушает бочку с водой и тогда наша духовная общность вытечет из нас обоих, как вода вытекает из проржавевшей бочки, оставив после себя пустоту.

– Мало ли, что я говорил в начале наших отношений: время течет, человек меняется, и изменяются его взгляды на жизнь и житейские обстоятельства. Если бы сказала мне тогда, что возможен у нас ребенок, я, быть может, согласился на его рождение и мы бы соединили наши судьбы вместе, найдя выход из положения.

Моя дочь Ксения, не очень нуждается в моем присутствии в нашей квартире и я думаю, что через год-два я уйду от жены, по – любому, и мы сможем быть вместе, если ты, к тому времени, будешь не против. Я бы давно так сделал, но не хочу уходить к тебе на квартиру постояльцем, а привести тебя в свой дом я тоже не могу, поскольку такого дома у меня нет, и не предвидится в ближайшие годы. Разменивать квартиру я тоже не хочу, чтобы не лишать свою дочь хорошего жилья. Но, видимо, моя мужская гордость постепенно слабеет, в ближайшие год-два я найду какой-то выход и приму решение, только не торопи меня.

– Делай, как знаешь, дорогой. Мне хороши и наши теперешние отношения. Я согласна, чтобы ты переселился ко мне, но если ты придумаешь что-то другое, то я тоже согласна, лишь бы быть вместе, и не в ущерб моему сыну: он хоть рожден мною от нелюбимого мужчины, но остается сыном, и не должен отвечать за необдуманные поступки своей матери.

– Жаль, что у нас в стране нельзя купить квартиру в рассрочку, – размышлял Илья. – Я читал где-то, что в других странах, при капитализме, можно купить квартиру на ссуду в банке, а потом лет 30 или 50 выплачивать эту ссуду, но жить в своей квартире. Правда, если лишишься работы, то и квартиру придется отдать за долги и не будет ни квартиры, ни работы. У нас в стране лишиться работы нельзя ни при каких обстоятельствах: могут только уволить за прогулы и пьянки, и только с разрешения профсоюза.

Квартиру может получить каждый бесплатно, как получили мы с тобой Аня, простояв по несколько лет в очереди. Но как быть таким, как я, если семья не сложилась, жить вместе не хочется, а жить врозь невозможно из-за отсутствия квартиры? Я, как инженер со стажем, да и любой рабочий в моем положении, должен бы иметь возможность купить квартиру в рассрочку, взяв ссуду в банке и выплачивая этот долг под 3-4 % годовых, что вполне справедливо, поскольку свои деньги мы храним в сберкассе под два процента.

Можно вступить в кооператив жилищный, но тогда надо заплатить всю сумму, которую трудно собрать в размере 5-7 тысяч рублей при моей зарплате 250 рублей. Да и в кооперативы эти вступить трудно, потому, что их мало, а ссуду в банке и вовсе взять почти невозможно.

Я читал в газете «Правда», что лет через 10-15 каждый желающий сможет купить квартиру, если попадет в такие обстоятельства развода семьи, но через 15 лет мне будет 50 и зачем я буду нужен тебе, Анна, такой старый, пусть и с квартирой? – засмеялся Илья, обнимая Анну, которая с удовольствием слушала своего мужчину, полагая, что если Илья задумался о жилье своем, то вскоре он согласится и на переезд к ней, о чем она, одинокая женщина с ребенком, втайне мечтала, как о несбыточном событии в своей жизни.

Возможно, Илье и удалось бы найти выход из положения, как он мечтал: развестись с женой, попросить на заводе комнату, ввиду невозможности проживания в одной квартире с бывшей женой, а потом обменять эту комнату и двухкомнатную квартиру Анны на трешку, и жить вместе со своей женщиной уже на равных правах, но в стране начались большие перемены, которые порушили все планы Ильи и миллионов других честных тружеников, в итоге разрушив прекрасную страну под названием СССР.

Наступили опасные годы, когда людям стало не до устройства личных дел, а лишь бы выжить и не попасть под потрясения, разрушающие страну, привычный уклад и достаток мирной жизни людей.

VIII

В 1985 году, как раз в год знакомства Ильи с Анной на отдыхе в Крыму, к власти в СССР пришел новый руководитель – Горбачев: внук кулака и, как выяснилось впоследствии, человек мелкого ума, проходимец с задатками провинциального актера, находившийся, к тому же, в полном подчинении своей жены Раисы, тоже внучки кулака.

Горбачев никогда не занимался практической деятельностью, служа лишь на комсомольских и партийных должностях, где знания и умение, начиная с Никиты Хрущева, заменяли хорошо подвешенный язык, угодливость к вышестоящим руководителям и решимость выполнить любое, даже абсурдное их распоряжение.

Система руководства в СССР была устроена так, что партия руководила всем, ни за что не отвечая, а партийные вожаки могли приказывать любому, не занимая при этом никаких официальных постов ни в государстве, ни в правительстве, ни в народном хозяйстве.

Такое положение партия большевиков (в последствие переименованная в коммунистическую партию СССР), заняла после захвата власти в Октябрьскую революцию 1917 года,

когда нужно было сосредоточить всю власть в одних руках, чтобы победить контрреволюцию и интервентов, пытавшихся объединенными усилиями свергнуть власть большевиков, которые лишили привилегированный классы их привилегий и имущества, награбленного предшествующими поколениями за счет эксплуатации рабочих, крестьян и других честных тружеников.

Опираясь на поддержку трудящихся, партия большевиков одолела врагов в Гражданскую войну, изгнала интервентов из страны и начала строить государство социальной справедливости и равенства, исключив эксплуатацию человека человеком.

Всё национальное достояние было объявлено государственной собственностью, кроме личной собственности граждан, которая не могла быть использована для наживы путем эксплуатации наемных тружеников.

С Лениным во главе, партия большевиков пришла к власти, а построение нового общества и великой страны взял на себя Сталин, бывший во главе партии большевиков почти 30 лет.

Партия большевиков была устроена по армейскому образцу: во главе стоял вождь партии, при нем был штаб – Политбюро из нескольких человек, каждый из которых отвечал за определенное направление. Решение, принятое Политбюро, через Центральный комитет и его секретариат доводилось до обязательного исполнения всеми членами партии, включая руководителей предприятий и организаций, для которых членство в партии большевиков было обязательным условием занятия государственных, правительственных и управленческих должностей.

Сталин жестко, а иногда и жестоко, направил страну на построение сильного и независимого государства, ускоренными темпами, не взирая на лишения и тяжелый труд простых людей, ибо в противном случае реставрация прежних порядков, когда одни живут за счет других, была неизбежна.

Усилиями Сталина страна поднялась из руин Гражданской войны, стала промышленной державой и победила фашизм в тяжелейшей войне, когда под водительством Германии вся Европа набросилась на СССР, желая уничтожить ненавистную власть и государство социальной справедливости, возвратив имущество прежним хозяевам – паразитам.

После разрушительной войны, СССР быстро восстановил народное хозяйство и начал стремительно развиваться, чтобы обеспечить своим гражданам достойный уровень жизни, который и являлся целью построения социалистического общества.

Бывший премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль – враг СССР, но трезвый политик широкого ума так говорил о Сталине, по случаю 80-летия со дня его рождения:

«Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелых испытаний Россию возглавлял гений и непоколебимый полководец И.В. Сталин. Он был выдающейся личностью, импонирующему жестокому времени того периода, в котором протекала вся его жизнь.

Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции и несгибаемой воли, резким, жестким, беспощадным как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в английском парламенте, не мог ничего противопоставить.

Сталин, прежде всего, обладал большим чувством сарказма и юмора, а также способностью точно выражать свои мысли. Сталин и речи писал только сам, и в его произведениях всегда звучала исполинская сила. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей всех времен и народов.

Стали производил на нас величайшее впечатление. Его влияние на людей было неотразимо. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, встали и странное дело, почему-то держали руки по швам.

Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логической и осмысленной мудростью. Сталин был непревзойденным мастером находить в трудные минуты пути выхода из самого безвыходного положения. В самые трудные моменты, а также в моменты торжества, он был одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной лично-

стью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих врагов и заставил нас, которых открыто называл империалистами, восстать против империалистов.

Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире, диктатором. Он принял Россию с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием.

Нет! Чтобы ни говорили о нём, таких история и народы не забывают!!»

Послевоенное развитие страны и научно-технический прогресс потребовали изменений в управлении страной, когда руководить производством должны были специалисты, а не политики. Партия должна была давать общие направления развития, не вмешиваясь непосредственно в хозяйственную деятельность.

Сталин понимал это и в конце 1952 года провел 19-й съезд партии, на котором, фактически, отстранил партию от управления экономикой страны, оставив за ней политическое руководство и воспитание общества в духе социалистических идеалов.

Партийные вожаки запаниковали, ибо большинство из них ничего практического делать были не способны, кроме как болтать языком о марксизме-ленинизме, из которого сделали религию. Кроме того, за годы войны большинство идейных и честных коммунистов ушли на фронт и там погибли в борьбе с фашистами, а их места в тылу заняли приспособленцы и проходимцы, алчущие личного благополучия и выгоды, которым плевать было на идеи социалистического устройства общества. Но на словах эти перевертыши были в первых рядах борцов за справедливое устройство общества без классов и без привилегий, где мерой человека является лишь его труд.

Внешние и внутренние враги социализма в СССР, поняв, что силой извне СССР не уничтожить, взяли курс на демонтаж основ социалистического устройства общества, опираясь на приспособленцев, которые всегда есть и будут в любом человеческом обществе; как говорится «в семье не без урода» и таких уродов в партии большевиков становилось всё больше и больше, пока они, под сурдинку, не захватили все значимые посты в партии.

Сталин видел опасность перерождения партии большевиков из прогрессивной силы общества в стаю ретроградов, потому и перестроил партийный аппарат на 19-ом съезде партии, дав дорогу молодым, энергичным и идейным коммунистам, чтобы вытеснить бюрократов и приспособленцев, мешающих социалистическому строительству.

Ещё в 1945 году, директор ЦРУ Аллен Даллес в «Размышлениях о реализации американской послевоенной доктрины против СССР», которые годами позже, были оформлены Директивной ЦРУ, писал: «Окончится война, всё утрясется и устроится. И мы бросим всё, что имеем: всё золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурманивание людей!

Человеческий мозг, сознание людей, способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников в самой России.

Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного и необратимого угасания его самосознания.

Например, из искусства и литературы мы постепенно вытравим его социальную сущность: отучим художников и писателей – отобьем у них охоту заниматься изображением и исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино – все будут изображать, и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать, и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдальблывать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом всякой безнравственности.

В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, процветанию взяточничества и беспринципности.

Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого.

Хамство и подлость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражда народов – прежде всего вражду и ненависть к русскому народу – всё это мы будем ловко и незаметно культивировать, всё это расцветет махровым цветом.

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявим отбросами общества.

Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Будем братья за людей с детских, юношеских лет и главную ставку всегда будем делать на молодежь – станем разлагать, развращать и растлевать её. Мы сделаем из неё циников, пошляков и космополитов. Вот так мы это сделаем!»

В «Протоколах сионских мудрецов» сказано; «люди с дурными инстинктами – намного многочисленнее добрых, потому лучшие результаты в управлении ими достигаются насилием или устрашением»

И далее: «того, который от либеральной души своей, сказал бы, что рассуждения такого рода – безнравственны, я спрошу; если у каждого государства – два врага и если по отношению к внешнему врагу, ему дозволено и не почитается безнравственным употреблять всякие меры борьбы, как, например, не ознакомлять врага с планами нападения или защиты, нападать на него ночью или неравным числом людей, то, почему же, такие же меры в отношении худшего врага, нарушителя общественного строя и благоденствия, можно назвать недозволенными и безнравственными?»

Пусть оба этих документа являются фальшивками, по утверждению либералов, но реализация их положений внешними и внутренними врагами СССР, подтверждает обоснованность их положений применительно к Советскому государству и социализму, как общественному строю, отрицающему сословную власть и власть капитала.

Сталин, без сомнения, знал о содержании этих документов, безотносительно их подлинности, и потому хотел провести реорганизацию партии, чтобы отстранить её от управления экономикой, полагая, что управлять производством должны, в современных условиях, уже не партийные вожаки, а специалисты, оставив за партией большевиков общую стратегию государственного строительства.

Такой подход Сталина отстранял партийных деятелей от материального производства, следовательно, и от получения материальных благ на партийных постах, что было совершенно неприемлемо для той серой плесени, рвачей и выжиг, что заняли уже многие партийные кабинеты, умело маскируясь под истинных марксистов-ленинцев.

Через три месяца после задуманной Сталиным реорганизации партийного аппарата, он, по всей вероятности, был умело убит партийцами, констатирующими смерть вождя от инсульта, и поделившими между собой власть, руководствуясь принципами: «кто хочет править должен прибегать к хитрости и к лицемерию» и «каждый человек стремится к власти, при этом, редкий не готов был бы жертвовать благами всех, ради достижения благ своих».

Направление развития СССР, выбранного и обеспеченного Сталиным, хватило ещё на сорок лет советской власти, несмотря на ничтожность правителей, сменявшихся за эти годы, и не обладавших никакими качествами, кроме жажды власти и тех привилегий, что эта власть давала.

После Сталина власть захватил триумvirат правителей в лице Хрущева, Булганина и Маленкова, где ушлый и безграмотный хохол Хрущев Никита обвел вокруг пальца остальных и стал единоличным правителем страны Советов, творя несуразности в руководстве страной, оставаясь, однако, приверженцем идеям социализма, которые он понимал своеобразно и вульгарно, провозгласив, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», обещая построить этот коммунизм за двадцать лет к 1980 году.

Страна Советов, направленная умом и жесткой рукой Сталина в нужном направлении развивалась по инерции, несмотря на хрущевские метания: лишь бы изменить всё и вся, чтобы было по другому, чем руководствовался Сталин, которого Хрущев ненавидел, как безграмотные и бесталанные люди ненавидят образованных и умных, не в силах понять их мысли, дела и поступки.

Хрущев облил Сталина грязью, свалив на него все издержки строительства нового государства и нового общества, что были неизбежны в отсталой стране с малограмотным населением. Как говорит восточная поговорка: «мертвого льва может укусить даже шакал», и такой шакал Хрущев кусал и кусал Сталина, принося тем самым огромный ущерб стране и поколебав в людях веру в идеи и цели социализма, что через много лет дало свои горькие плоды.

Пробыв у власти десять лет, Хрущев надоел своей глупостью даже ближайшим соратникам по партии, которые устроив заговор, отстранили Хрущева от власти и поставили во главе партии незаметного, средних способностей человечка по фамилии Брежнев, которого всё его окружение считало проходной фигурой до тех пор, пока не появится сильная личность, способная потянуть за собой страну вперед и, как говорилось, «к сияющим вершинам коммунизма».

Но, как часто бывает в жизни, проходная пешка превратилась в значимую фигуру, и Брежнев правил 18 лет не вмешиваясь в естественное развитие страны, которое всё замедлялось и замедлялось, исчерпав до конца импульс развития, приданный Сталиным. Требовались насущные реформы в экономике и государственном управлении, чтобы страна соответствовала потребностям современности, но властная верхушка партии не желала никаких перемен, полагая, что всё каким-то образом уладится само собой, а затеяв перемены и ошибившись – можно и власти лишиться.

Именно на годы правления Брежнева, которые потом предатели стали называть годами застоя, и пришлись начало созидательной жизни и годы зрелости Ильи Николаевича.

Как оказалось, это были лучшие годы его жизни. Он окончил школу, получил специальность, работал на заводе и учился в институте, стал инженером, получил квартиру, когда женился и родилась дочь, и жил спокойной, в меру обеспеченной жизнью, которая пусть и медленно, но неуклонно улучшалась, обещая в будущем умеренную зажиточность на склоне лет и достойную старость без потрясений и невзгод.

Это вполне устраивало и Илью Николаевича и большинство жителей страны – СССР, которые не замечали, что страна дряхлеет вместе со своими руководителями и если не будет мощного толчка в её развитии, то и страну и её обитателей ждут великие потрясения, поскольку враги социализма никуда не делись, а неустанно, словно жуки-древоточцы подгрызают устой советской власти в надежде, что она когда-нибудь рухнет и даст свободу алчности, стяжательству и наживе, которые свойственны другим формациям устройства общества, господствующим в мире за пределами страны Советов и немногих её сателлитов.

Жизненные человеческие качества, насаждавшиеся тысячи лет, невозможно изжить за несколько десятилетий, что существовала Советская власть и люди мелкого ума и низменных наклонностей полагали: если убрать преграды для наживы, что существуют в обществе социализма, они будут жить значительно лучше за счет других, и такие настроения всячески поддерживались врагами страны Советов как внутри, так и за рубежом.

Вор всегда будет считать создателя и труженика ниже себя и поэтому становится вором, а буржуазное общество – это есть общество воров у власти, оформленное законами, в отличие от общества социализма, которое является, пусть и с издержками, обществом создателей.

Пока Илья Николаевич занимался устройством личной жизни, чем занимались и все его знакомые и общество в целом, полагая, что «завтра будет лучше, чем вчера», враги социализма продолжали и продолжали тихой сапой разрушать основы общества, дискредитируя идеи равноправия и справедливости.

Дряхлеющее руководство страны СССР, состоявшее из 10-12 человек почтенного возраста, каждый из которых мечтал напоследок, хоть на год-два, стать верховным властителем, поскольку Брежнев, после перенесенных инсультов, утратил адекватность восприятия, занималось своими проблемами борьбы за личную власть.

Народ, в своем большинстве, был вполне доволен своим положением, занимаясь, как и Илья Николаевич, устройством личной жизни, а враги занимались подрывной деятельностью, ожидая удобного случая, чтобы уничтожить ненавистную им Советскую власть и такой случай представился со смертью Брежнева.

Трагическим недостатком Советской власти было то, что за шесть десятилетий вполне благополучного существования, исключая годы разрухи, войны и восстановления, люди утратили иммунитет к борьбе за свой советский образ жизни, полагая, что при всех изменениях в руководстве страны, общие положения социализма, как общества уничтожившего эксплуатацию человека человеком в целях наживы, останутся неизменными, в том числе и все социальные блага как-то: право на труд, бесплатное образование, медицину и обеспечение жильем, социальную помощь детям, инвалидам и старикам, стабильность цен и уверенность в будущем.

После смерти Брежнева к власти пришел Юрий Андропов: человек тяжело больной, но пожелавший хоть годик побыть руководителем, не вылезая из-под медицинской капельницы. Он правил страной год и ничем особенным не запомнился, кроме борьбы за трудовую дисциплину, да ещё тем, что ввел в высшее руководство страны несколько личностей, оказавшихся, впоследствии, предателями и разрушителями страны.

Затем больного Андропова сменил такой же немощный Черненко, который вообще ничем не успел отличиться, быстренько переключившись в мир иной.

Несмотря на смену больных правителей, страна продолжала свое развитие как самоорганизующийся организм, созданный Сталиным и продолжающий функционировать достаточно эффективно, обеспечивая неуклонное повышение уровня жизни людей.

Конечно, этот организм нуждался в лечении, чтобы удалить бюрократические наросты, которые словно мозоли, мешали быстрому движению вперед, не давая проявиться всем преимуществам социализма перед капитализмом, вся суть которого сводится к получению прибыли немногих владельцев частной собственности за счет обмана остальных членов общества наемного труда.

Сменяемость больных руководителей, умирающих один за другим от старости и болезней, вызывала недовольство в стране и тогда правящая верхушка решила поставить во главе страны ничтожного человека, по фамилии Горбачев, полагая, что под прикрытием этого дурачка и фанфарона они останутся у власти до конца дней своих, а страна продолжит свое развитие по инерции, приданной Сталиным более тридцати лет назад.

Однако Горбачев оказался не просто дурачком, а дураком с инициативой, находившимся в полном подчинении у своей жены Раисы, не забывшим своих кулацких корней и преклоняющимся перед капиталистическим Западом.

Дурак с инициативой, окружив себя советниками-предателями и будучи совершенно здоровым в свои пятьдесят четыре года рьяно взялся за переделку основ экономики страны, воодушевляемый возгласами поддержки зарубежных правителей, увидевших шанс уничтожить ненавистную им страну СССР, пока ею руководит безумец, которого легко можно пре-

вратить в предателя: если окружить его предателями, уже имевшимися в руководстве страной, на всех уровнях – от партийных бонз и министров до руководителей предприятий и низовых партийных организаций.

Наконец-то многолетние труды внешних врагов по выращиванию ренегатов и предателей внутри страны – СССР начали давать свои отравленные плоды, которые внешне выглядели безобидными и весьма привлекательными.

Вначале Горбачев провозгласил гласность, что означало возможность критиковать всё и вся, особенно недостатки в устройстве жизни людей и работе предприятий.

Свора журналист, до этого вливавших хвостом в ожидании подачек от партийных хозяев, тут же набросилась на сами основы организации общества, утверждая, что в стране СССР есть лишь одни недостатки, и нет ничего хорошего в жизни людей.

Средства массовой информации почему-то оказались в руках критиканов, льющих на сознание людей одни недостатки: мол, нет у нас ничего хорошего, да и живем мы неправильно, приводя в пример, якобы хорошую жизнь всех в странах Европы и Америки.

Вместе с гласностью, горбачевская свора провозгласила перестройку, что означало изменение основ организации и управления общественным производством и первым делом перестройщики объявили выборность руководителей предприятий и подразделений в этих предприятиях, невзирая на квалификацию и управленческие навыки избираемых толпой руководителей.

Претенденты горячо обещали своим коллективам всяческие блага и в результате у руля предприятий оказались горлопаны, рвачи и проходимцы, вмиг расстроившие работу подвластных им предприятий и учреждений и начавших торопливо грести народное добро в свои карманы, позабыв об обещаниях, данных при своём избрании.

Одновременно было введено ограничение на торговлю спиртными напитками, которая давала высокий процент в бюджет страны, ибо нет ничего более выгодного государству, чем торговля спиртными напитками. Так называемый «сухой закон» мгновенно подорвал финансы государства, которое вынужденно было покрывать дефицит зарубежными займами, которые охотно начали давать иностранные государства, видя в этом грядущий залог краха социалистического государства.

На волне начинающейся разрухи в головах людей и неразберихи в общественном производстве, при Горбачеве сколотилась группа экономистов-реформаторов, предложивших реформировать управление промышленностью и сельским хозяйством, чтобы придать ускорение их развитию.

Реформирование начали с трех направлений: во-первых, разрешили предприятиям самим сформировать фонд оплаты труда, безотносительно к объему и качеству выпускаемой продукции, что позволило руководителям поднять себе зарплаты в разы, добавив крохи и к зарплате прочих тружеников.

Во-вторых, приняли закон о кооперации, который разрешил организовывать торгово-производственные кооперативы по выпуску и продаже товаров народного потребления, чтобы наполнить рынок товарами в условиях их дефицита при необоснованном повышении зарплат. Этот закон позволил руководителям и приближенным лицам учреждать кооперативы и через них реализовывать продукцию своих и смежных предприятий, деля всю выручку между собой.

В третьих, государство отменило монополию на внешнюю торговлю и тысячи предприятий вырвались на внешний рынок, продавая за рубеж всё, до чего могли дотянуться руки их руководителей, посредников и спекулянтов, которых оказалось, вдруг, невероятное количество.

Эти реформы вмиг смели все товары и продукты с прилавков магазинов, заставив граждан метаться в поисках продуктов питания, одежды и предметов домашнего потребления, кото-

рые перекочевали из государственных магазинов на рынки и в кооперативы, где продавались по спекулятивным ценам.

Так под лозунгами: «гласность – перестройка – ускорение» и «больше гласности – больше социализма» уничтожались основы социалистического общества всеобщего равенства и справедливости.

Спекулянт и мошенник становился уважаемым человеком с туго набитыми карманами, а труженик на заводе или в колхозе превращался в наемного работника с зарплатой, не успевающей за спекулятивным ростом цен.

Илья Николаевич читал где-то, что при Сталине, после войны, цены постоянно снижались, а зарплата росла, после Сталина до Горбачева были стабильные цены при росте зарплат, а во времена «перестройщиков» наступил безудержный рост цен на всё, кроме оплаты труда всех, не участвующих в спекуляциях.

По его мнению, крушение Советской власти началось с появления на улицах Москвы платных туалетов. Выйдя однажды из метро и зайдя в туалет, которые были возле каждой станции, он обнаружил на входе лицо кавказской национальности, которое потребовало за вход в туалет плату в размере 20 копеек. На вопрос: С какой стати? – им был получен ответ: -Читай объявление! Действительно, у входа висело объявление, что туалет платный и вход в него стоит 20 копеек. Возмутившись, он заплатил, ибо нужда не терпела отлагательств.

Так несколькими законами, Горбачев со сворой предателей – рвачей за три года своего правления разрушил основы социалистического устройства государства СССР, за которое три предшествующих поколения положили свои судьбы в революциях, войнах и лишениях, ради благополучной и мирной жизни последующих поколений.

Через три года безумств горбачевской клики, страна СССР впала в состояние клинической смерти, когда сердце ещё бьется, но поврежденный мозг уже умер и остается только ждать когда наступит агония.

Продовольствие и товары начали выдавать по карточкам и талонам, словно в войну, под вопли демократов – как называли себя эти мерзавцы, что такова природа социализма и чтобы жить лучше надо переходить на рыночную экономику, где всё, якобы, находится в частной собственности и потому все люди в Европе, США и других странах живут хорошо.

Сбитый с толку, народ не сопротивлялся и готов был согласиться с любыми изменениями в стране, лишь бы снова наступили времена мира и благополучия, от которых люди так опрометчиво отказались, позволив проходимцам-перевертышам захватить власть и уничтожить скромную, но вполне благополучную жизнь, поддавшись посулам райской жизни и забыв про народную мудрость, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Товары и продукты эшелонами увозились за границу, для продажи за бесценок, оставляя в стране лишь крохи, выдаваемые по талонам.

Заводы работали, колхозы производили продовольствие, но всё сделанное, выращенное и произведенное или вывозилось за границу, или просто уничтожалось на складах, чтобы заставить народ смириться с любыми изменениями в общественном устройстве жизни, под обещания, что станет лучше, чем сейчас.

Горстка ренегатов-предателей, пробравшихся к власти, не была ещё уверена в молчании народа, армии и госбезопасности и потому, тщательно скрывая свои замыслы по уничтожению страны, умело спихивала все трудности жизни на недостатки социализма, который, якобы, принципиально не может обеспечить хорошую жизнь населению и поэтому является тупиковой ветвью развития человечества и должен быть заменен на благословенный капитализм.

Госбезопасность в лице КГБ, должная охранять и защищать конституционный строй не призвала предателей к ответу: видимо не зря Андропов руководил КГБ пятнадцать лет и посадил там такие кадры, которые не защищали общественный строй, а напротив участвовали в

разрушении основ социализма и союзного государства, в котором республики, почуяв слабость центральной власти, начали широкую пропаганду среди населения за выход из СССР.

Националисты всех мастей, спекулируя на трудностях жизни, обусловленных предательской кликой Горбачева, принялись убеждать народы, что все невзгоды их жизни проистекают из пребывания республик в составе СССР и что каждая республика кормит и содержит остальных за свой счет и стоит лишь выйти из СССР и стать самостоятельными, как жизнь наладится и будет прекрасной и замечательной, особенно, если избавиться от русских.

Народы одобрительно внимали глашатаям независимости и вскоре повсеместно начались волнения в союзных республиках за выход из СССР и избавление от русских, которых начали называть оккупантами.

Первыми взбунтовались азиаты, как наиболее отсталые нации, не изжившие ещё в себе феодальные порядки и клановое деление, что привело к волнениям и погромам на национальной почве, учитывая, что эти республики были основаны в произвольных границах и со смешанным населением.

Затем возникли прибалты, которые со спесивостью народов, никогда не имевших национальных государств и отделившихся от России на короткий период оккупации немцами в Первую мировую войну, а затем вновь присоединившихся к СССР перед Отечественной войной, считали себя истинными европейцами: выше русских и прочих народов СССР.

Потом волнения перекинулись на Кавказ, где многовековое перемешивание национальностей создавало благоприятные условия для националистов, требовавших исключительных прав только титульной нации в ущерб всем остальным народам.

КГБ почти безучастно смотрел на разгорающийся пожар национализма в республиках, поскольку во всех республиках, стараниями Андропова местные гэбисты были сплошь представителями титульных наций, и весьма благосклонно относились к национальным вожакам, призывающих к выходу из СССР, вместо того, чтобы этих вожаков сажать в тюрьмы.

Объявился такой вожак и в России, а имя этому вожаку было Ельцин, и это имя мало напоминало типично русские фамилии.

Ельцин был горьким пьяницей, что, несомненно, было известно КГБ, дающему характеристику на каждого человека, выдвигающегося на ответственный пост, однако Ельцин по чьей-то воле добрался до поста секретаря обкома.

Он построил в Свердловске самое большое здание обкома партии, которое жители назвали «член КПСС», уничтожил Ипатьевский дом, в котором была расстреляна царская семья, что не помешало ему впоследствии выражать притворное сострадание к этой царской семье Николая Второго – когда стало выгодно.

Ельцин первым в России посадил свою область на продовольственные талоны, после чего был переведен на повышение в ЦК партии и вскоре назначен градоначальником Москвы: видимо кому-то нужен был самодур, алкоголик и беспринципный проходимец на высоком посту для последующего развала государства, чем Ельцин и принялся усердно заниматься.

Известен случай, когда Ельцин, прибыв в Америку, вышел из самолета после многочасовой пьянки, помочился на колесо на глазах изумленной публики, пожал руки встречающим и уехал пьянствовать в гостиницу, где попытался ночью, в одних трусах, сбежать, по старой привычке, в магазин, за бутылкой виски. Эти куражи были, видимо, документально зафиксированы, и с тех пор Ельцин безропотно выполнял команды своих кукловодов при разрушении страны, опасаясь огласки.

Это свидетельствует, какие нравственные уроды разрушали страну – СССР и почему они до сих пор почитаемы нынешним руководством страны и за рубежом.

Житейские сложности и нарастающий хаос в стране несколько охладили отношения между Ильей и Анной: их встречи стали более редкими вследствие бытовых неурядиц и траты времени на добывание еды.

Илья не мог материально помогать своей женщине, поскольку его заводской зарплаты хватало лишь на самое необходимое по содержанию семьи. О получении комнаты от завода, чтобы развестись с женой, тоже пришлось забыть, поскольку завод перестал строить собственное жилье, попав под управление новоизбранного директора – говоруна, принявшегося ускоренными темпами повышать собственное благосостояние и своих подручных, помогающих ему в благородном деле расхищения социалистической собственности.

Анна в своем НИИ тоже перебивалась с хлеба на квас и эта взаимная озабоченность глушила страсть при встречах, от случая к случаю, не порывая их отношений окончательно. Они по-прежнему уповали на то, что временные трудности пройдут и им снова будет хорошо и беззаботно вместе, как это было при их первых встречах.

– Если за три года мы не надоели друг другу, значит, есть у нас глубокие чувства и пусть всё остается как есть, пока возможно, – говорила не раз и не два Анна, провожая Илью после их редкой очередной встречи, принесшей, пусть ненадолго, покой и умиротворение в их тела и души.

IX

Воспоминания и размышления Ильи Николаевича о своем прошлом и об изменениях в стране, вызвавших изменения в его жизни, прервал звонок с мобильного телефона. Эти телефоны он не признавал и не хотел пользоваться, но вынужден был приобрести в связи с устройством на работу в автостоянке: иногда требовалось подменить дежурного вратаря, на что поступала команда от хозяина именно по телефону и именно по мобильному, ибо хозяин требовал быть на связи в любое время.

Жена Галина, напротив, пользовалась мобильником по всякому случаю и сейчас, по интуиции Ильи Николаевича, звонила именно она. Говорить с женой после недавней ссоры ему не хотелось, но не ответить на звонок грозило ещё большим скандалом.

Он взял телефон: чутье не подвело – звонила именно Галина и, судя по шумам, звонила из электрички, не успев доехать до дачи, но и не удержавшись от бессмысленного звонка.

– Ну что, прогнал жену и, небось, веселишься сейчас с любовницей на свои именины, – громко выговорила жена, не стесняясь окружающих её пассажиров электрички. Илью Николаевича всегда поражала беспардонность людей, разговаривающих по телефону в толпе или транспорте и громко обсуждающих личные проблемы, мешая другим. Таковой была и есть и его жена Галина, так и не понявшая его за долгие годы совместной жизни.

– Бог с тобой, Галина, – миролюбиво ответил Илья Николаевич, на обвинения жены, – вспомни о моем возрасте!

– Вам, кобелям, любой возраст не помеха, – взорвалась Галина, – жена за дверь, а ты хвост трубой и к любовнице. Думаешь, я забыла, как ты много лет бегал на сторону к своей Анечке, пока я её не отвадила. Может, и сейчас к ней наладился, прогнав меня прочь. Хотя и то верно, что старый ты стал и никому не нужен, кроме проституток с улицы, которые за тыщу готовы обслужить и такого негодного старикашку, как ты. Веселись старый хрыч, прогнав жену, а я с котом Васькой буду на даче одинокой кукушкой куковать, коль мужу не нужна.

– Дома я, один, – по привычке начал оправдываться Илья Николаевич, лишь только жена упомянула Анну, – и соседка Мария может подтвердить, что я один дома в день своих именин. Лучше одному быть в такой день, чем слушать твою брань. Никогда ты меня не понимала и нечего сейчас горевать, когда состарилась. Раньше надо было думать.

– Конечно, старая я тебе стала не нужна, когда молодость мою загубил – распалилась Галина, вспоминая свой неудачный брак, который не принес ей ни достатка, ни женского счастья или хотя бы удовольствия.

– Что ты кричишь на весь вагон? – возмутился Илья Николаевич, – замуж я тебя не тянул и если бы не дочь наша, давно бы сбежал, куда глаза глядят. Да и ты без меня, потаскалась бы

проводницей ещё несколько лет, поистрепалась бы от вагонной любви и осела бы где-нибудь на полустанке в железнодорожном общежитии на постоянное проживание. А здесь и дочь и дача есть и всё недовольна. И не кричи на весь вагон о своей несчастной жизни – у людей своих забот хватает, чтобы слушать ещё и истеричную бабу, – закончил Илья Николаевич и выключил разговор.

Телефон снова зазвонил через минуту, но он больше не включал его, зная, что это его бывшая жена никак не может успокоиться, что он один и доволен своим одиночеством.

– Неужели и вправду меня когда-то тянуло к этой женщине, бывшей достаточно привлекательной, чтобы возбудить мужские желания, но никогда не стремившейся к духовной близости с ним, назвавшим её своею женою, несмотря на девичьи грехи и вздорный характер, иногда пробивавшийся сквозь женское притворство и лицемерие.

Вот так: женился он на Галине ради ребенка, которым она удивительно вовремя забеременела, и потом прожил всю свою жизнь рядом с этой чужой ему женщиной, которая так и не стала ему ни женою, ни другом.

– Ладно, хватит сожалеть о несбывшемся семейном счастье, надо бы и пообедать: и время подошло, и очередную свару с женщиной, продолжавшей числиться его женою, сам бог велит заесть и запить, – решил Илья Николаевич и пошел на кухню, чтобы приготовить обычный свой обед, несмотря на день именин.

Готовить он научился за годы жительствова в общежитии, иногда вдохновляясь на приготовление какого-нибудь замысловатого блюда. Но сегодня кухарничать ему не хотелось, и он решил приготовить себе обед из своей молодости по-общежитски: сварить вермишелевый суп из пакета и отварить в нем пельмени: суп на первое, а пельмени на второе и чай с пряниками на третье. Сказано – сделано, и через полчаса Илья Николаевич уже прихлебывал горячий суп с хлебом, а на тарелке рядом дымились паром пельмени, сдобренные сливочным маслом.

Блюда эти были из его молодости, но оказались удивительно безвкусны: либо его чувства притупились, либо действительно вкус этих блюд разительно изменился за прошедшие десятилетия, что отмечали все его знакомые.

С внедрением рыночных отношений, о которых постоянно курлыкают с экрана телевизора всяческие ведущие кулинарных передач, вкус продуктов, приобретаемых в сетевых магазинах изменился до неузнаваемости, потеряв специфичность и утратив запахи, словно все эти продукты были изготовлены из пластилина, который Илья в детстве однажды попробовал, но больше не стал, почувствовав несъедобность этого вещества, предназначенного для лепки фигурок, но не для еды.

Вот и сейчас, суп и пельмени были полностью лишены запахов, а пельмени на вкус были не лучше того пластилина из Илюшиного детства.

Задача любого предпринимателя – это получить максимальную прибыль, ради которой всячески завышается цена товара и натуральные продукты заменяются на дешевые, фальшивые добавки, внешне напоминающие настоящие. И никакая конкуренция не в силах изменить такое положение, ибо каждый из участников рынка тоже гонится за прибылью в ущерб качеству.

Сталин, которого Илья Николаевич начал уважать в последние годы, поняв, что организаторы и исполнители переворота в России, с целью возвращения капиталистических порядков, обливают Сталина грязью за несуществующие злодеяния, выполненные, якобы, лично им, а не врагами-извратителями социалистических идей, писал:

– «Цель капиталистического производства – извлечение прибылей. Что касается потребления, оно нужно капитализму лишь постольку, поскольку оно обеспечивает задачу извлечения прибылей. Вне этого, вопрос потребления теряет для капитализма смысл. Человек с его потребностями исчезает из поля зрения.

Цель социалистического производства не прибыль, а человек с его потребностями, то есть удовлетворение его культурных и материальных потребностей. Цель социалистического производства «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества».

Мы имеем дело здесь не с примером потребления, а с подчинением социалистического производства основной его цели».

Маркс говорил: «Обеспечьте капиталу 10% прибыли и капитал согласен на всякое применение, при 20% он становится оживленным, при 50% положительно готов сломать себе голову, при 100% он попирает все человеческие законы, при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать и тому и другому».

Этими знаниями исчерпывалось знание марксизма Ильей Николаевичем, но, посещая магазины для покупки продуктов, он каждый раз убеждался в справедливости мыслей и Сталина и Маркса. Потому что качество продуктов стало отвратительное, а их цена невероятная для пенсионеров, да и рядовых тружеников тоже. Иногда в телевизоре мелькали новости о фальшивой водке, изготовленной из метилового спирта. Эти «предприниматели» заведомо знали, что такая водка ведет к смерти, но это не останавливало торгашей ради собственной прибыли. В этом и заключается «рынок», который без умолку расхваливают никчемные правители России и их холопская телеобслуга, попутно очерняя социализм и приписывая ему несуществующие плохие качества: насилие, угнетение людей, отсутствие личной свободы и, даже, отсутствие секса.

Эти же извратители твердят, что пожилые люди, к которым, несомненно, относился и Илья Николаевич, ностальгируют по своей безвозвратно ушедшей молодости, а потому многое этим старикам кажется в их прошлом хорошим, хотя на самом деле все в СССР жили в беспросветной нужде, моральном терроре власти советской, в серости и тоске.

Илья Николаевич, пытался вначале, вслух и молча, оспаривать ложь шелкоперов, но, поняв бессмысленность своих доводов, не доходивших до разума перевертышей, перестал раздражаться от лжи телевизора, установив для себя следующее: он с самого начала трудовой деятельности получил хорошую рабочую специальность, потом бесплатно учился в заочном институте, стал инженером на заводе, получил бесплатно квартиру, бесплатно выучил дочь в институте, не знал никогда заботы о хлебе насущном, а то, что женился опрометчиво на вздорной женщине, так это его личная ошибка, а не происки советской власти.

Обед он закончил кружкой темного безвкусного чая, который заварил из пакетика: даже чай стал не похож на чай при этой проклятой власти рынка, где всё идет на продажу, маскируясь под натуральность, чтобы получить прибыль.

Именинный обед закончился без всякого удовольствия и Илья Николаевич снова прилег на диван, чтобы отдохнуть и вернуться к своим размышлениям, прерванным звонком жены Галины.

Хаос в стране, управляемой предателем Горбачевым, который продолжал выдавать себя за коммуниста, нарастал, словно снежный ком, катящийся по весне с пригорка, покрытого мокрым снегом.

Мотор социализма, построенный народом под руководством Сталина, ещё тянул страну вперед, но в энергию народа, врагами уже была добавлена грязь, которая, минуя фильтры, ломала механизмы, засоряла шланги, приводя хозяйство страны к инфаркту экономики.

– А ведь это я, и такие же работяги, которым было под сорок лет, не восстали тогда против предателей и проходимцев всех мастей и не защитили народную власть, равнодушно взирая на шабаш подонков, полагая, что всё как-то само-собой уладится, – думал Илья Николаевич, пребывая на диване в сладкой послеобеденной дреме.

– Шахтеры, помнится, забастовали, но они требовали не смены руководителей-разрушителей, а дополнительных привилегий лично для себя, хотя и были на то время самой высокооплачиваемой группой, с шестичасовым рабочим днем и двумя месячными отпусками в год.

Власть тогда охотно пошла на удовлетворение шахтерских требований, поскольку это ещё больше вносило разлад в рабочую среду и разрушало народное хозяйство страны. Если в единый механизм внести какую-то поломку и вовремя не устранить её, то весь механизм вскоре разрушится до основания, вызвав катастрофу с гибелью людей – чего и добивались враги социализма внутри страны Советов и за её пределами.

– Я тогда продолжал работать на заводе, заботился о сохранении отношения с Аней и бегал после работы по магазинам, отоваривая талоны на продукты и забывая антресоль в своей квартире крупой, мукой, консервами. Эти продукты через несколько месяцев портились и их приходилось выбрасывать, чтобы заменить на такие же, вновь добытые по талонам, поддавшись панике, умело разжигаемой среди населения всякими интеллигентами и проходимцами, мечтающими опять, как в царские времена, стать правящим классом и присвоить себе достояние государства в частную собственность – размышлял Илья Николаевич.

– Поднялись бы тогда рабочие против Горбачева и Ельцина, выкинули их на помойку истории, и мы жили бы сейчас припеваючи – лучше американцев, и страна была бы самой мощной в мире, что убедительно показал какой-то ученый-экономист, не утративший совести, и я бы сейчас не ел суп из пакетика в свой день именин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.